

Благие намерения

Автор:

Александра Маринина

Благие намерения

Александра Маринина

Взгляд из вечности #1

Никто не сомневается, что Люба и Родислав – идеальная пара: красивые, статные, да еще и знакомы с детства. Юношеская влюбленность переросла в настоящую любовь, и все завершилось счастливым браком. Кажется, впереди безоблачное будущее, тем более что патриархальные семейства Головиных и Романовых прочно и гармонично укоренены в советском быте, таком странном и непонятном из нынешнего дня. Как говорится, браки заключаются на небесах, а вот в повседневности они подвергаются всяческим испытаниям. Идиллия – вещь хорошая, но, к сожалению, длиться долго она не может. Вот и в жизни семьи Романовых и их близких возникли проблемы, сначала вроде пустяковые, но со временем все более трудные и запутанные. У каждого из них появилась своя тайна, хранить которую становится все мучительней. События нарастают как снежный ком, и что-то неизбежно должно произойти. Прогремит ли все это очистительной грозой или ситуация осложнится еще сильнее? Никто не знает ответа, и все боятся заглянуть в свое ближайшее будущее...

Александра Маринина

Благие намерения

От автора

Эта книга писалась в трудное для меня время, и я, скорее всего, не справилась бы с ней, если бы не помощь двух очень близких мне людей – моего мужа Сергея Заточного и моей подруги Ирины Козловой. Они старались сделать все возможное и даже невозможное для того, чтобы придать мне сил и мужества взяться за эту работу.

В мае 2008 года, сидя на веранде отеля в Северной Италии, я в отчаянии сказала Ирине:

– Давай напишем книгу вместе.

– Давай, – тут же с готовностью отозвалась она.

Я не имела ни малейшего представления: как это – написать книгу вместе, но мне в тот момент важно было услышать, что кто-то готов разделить со мной и труд, и все связанные с этим тяготы. Мне сразу стало легче, и даже если бы Ирина больше не сделала вообще ничего, одного этого уже было бы достаточно, чтобы поддержать меня.

Я поделилась своей задумкой, которая к тому времени была лишь в зачаточном состоянии, и мы сразу же стали придумывать судьбы и характеры персонажей и всю их жизнь, ход которой логично вытекал бы из этих характеров. После возвращения в Москву к нам присоединился мой муж, которого мы радостно нагрузили «милицейской» проблематикой и требовали, чтобы он придумал или вспомнил из своей богатой практики примеры непрофессионализма следователя и выстроил бы нам для одного из героев служебную карьеру в системе МВД. Мы купили диктофон и заставили Сергея подробно рассказывать все, что он придумал. Потом, с этим же диктофоном, мы все втроем поехали на месяц в Германию и там по очереди наговаривали все, что приходило в голову, – детали характеров и биографий, психологическое обоснование поступков персонажей, фабулу и даже целые диалоги.

Вернувшись в Москву, я попросила распечатать диктофонные наработки и долгие месяцы с ужасом смотрела на без малого сто страниц текста, совершенно не понимая, что с ним делать. Разговаривать было так легко, работа с диктофоном шла весело и азартно, а когда речь зашла о том, что нужно садиться и делать книгу, меня снова охватило отчаяние. Мне казалось, что я не смогу, никогда не смогу...

И снова на помощь мне пришли Сергей и Ирина, которые не уставали мне повторять: «Глаза боятся – руки делают. Не отчаивайся, ничего не бойся, только начни».

На эти уговоры ушел без малого год. И снова была Италия, и рядом была Ирина, которая, как она сама выражается, взяла хлыст и вошла в клетку со львом: купила в магазине толстую большую тетрадь и практически насильно сунула мне в руки. «Напиши хотя бы два предложения. Хотя бы одно». Я написала. Получилось. Когда впоследствии я набрала этот выполненный от руки текст на компьютере, оказалось, что под угрозой хлыста написалось почти тридцать страниц.

Работа пошла. Но для нее требовались реалии 50—60-х годов прошлого века, которых я не знала. И на помощь снова пришла Ирина, которая из разных источников добывала для меня крупицы информации вплоть до того, какие платья и прически носили в те или иные годы.

Текст этой книги написан мной от первого до последнего слова. Но у меня есть два соавтора, которым я хочу выразить в этих строках свою глубокую благодарность и горячую любовь. Спасибо вам, Ирина и Сергей! Без вас этой книги не было бы.

* * *

Камень проснулся и первым делом подумал о том, что у него подагра. Наверное. Или этот, как его, артроз. Уж больно скрипуче у него внутри, ржаво как-то, туго-неповоротливо. Старость... Сырость... Холод от земли... Да еще Ветер, подлец эдакий, то и дело смотается в командировку в северные страны, наберется там всяких погодно-циклонных глупостей, а как вернется – так сразу к нему, к Камню то есть, в гости заваливается и давай со всех сторон обдывать чем-то промозглым, вот вам и простуда.

Хоть бы Ворон прилетел, развлек бы чем-нибудь... Хотя в такую мерзкую погоду старый приятель, наверное, будет дрыхнуть до полудня. Камень представил себе перспективу долгих часов, заполненных ипохондрическими изысканиями, и загрустил. Пока этот засоня Ворон появится, это ж сколько новых болезней отыщется! И будут они одна неизлечимей и смертельней другой. И настроение

испортится – это уж как пить дать. Мысли о скорой смерти, и все такое...

Однако Камень ошибся. Едва успел он разобраться с артрозом и приступил к примерке глаукомы (что-то зрение стало сдавать), откуда-то справа донеслось знакомое:

– У тебя как сегодня голова на такую погоду? У меня болит – просто сил нет.

Камень с облегчением оторвался от примерки глаукомы – все равно она как-то плохо ему подходила, не пролезала ни по одному параметру – и живо включился в обсуждение.

Поговорили о здоровье и болезнях, не спеша, с подробностями, со вкусом и удовольствием. Роли все давно расписаны: Камень жалуется, брюзжит и готовится к собственным похоронам, а Ворон – тот бодрячком подпрыгивает на макушке у Камня, лапками трехпалыми переступает, когтями мшистую поверхность царапает и молодится, молодится, дескать, я-то еще при полном параде, и помирать мне рано, я еще о-го-го...

Потом пришел черед погоды, ну а как же без нее, без погоды-то, родимой, в стариковских беседах, от нее ведь все неприятности – и ломота в суставах, и тяжесть в голове, и настроение пакостное, будто жизнь и впрямь кончилась.

– Это надолго, – авторитетно сообщил Ворон, перестав наконец переступать когтистыми лапками по Камню и устроившись поудобнее, так, чтобы не соскальзывать с размоченной дождем замшелости, – месяца на полтора-два.

– Сам смотрел? Или прогнозы слушал? – встревоженно уточнил Камень.

– Сам, – коротко каркнул Ворон. – Своими глазами видел. Так что твои кости будут еще долго болеть, а подагра твоя станет развиваться бурно и ощутимо, а голова...

– Тьфу на тебя, – обиделся Камень. – Вот ты всегда над моими недомоганиями смеешься, а я, может, смертельно болен, не ровен час – помру. Что тогда делать станешь?

– Да ты меня переживешь, ипохондрик ты хренов! Бери с меня пример, не обращай ни на что внимания и радуйся жизни, зазнобу себе заведи, что ли. Вот я...

– Да пошел ты, – беззлобно отмахнулся Камень. – Вот ты, вот ты... Надоело. Давай, что ли, сериал какой-никакой запарим, раз уж такая мерзкая погода на два месяца. – Он вздохнул и вдруг снова забеспокоился: – Но ты точно знаешь, что на два? Ты точно сам смотрел?

Вопрос был не праздным. Ворон обладал редкой способностью практически повсюду находить пространственно-временные дыры, пролезать в них и в любой момент возвращаться обратно. Он имел возможность увидеть все, что происходило на Земле, где бы и когда бы это ни происходило, а уж про такую ерунду, как погода на завтра или на неделю вперед, и говорить нечего. И когда им с Камнем становилось скучно, они выбирали себе героя и начинали следить за его жизнью от рождения и до самой смерти, подробно обсуждая всю его биографию, каждый шаг, каждое принятое решение, каждое сказанное слово. Развлекались они этим давно, лет двести, а может, и все четыреста. Однажды, давно-давно, Ворон залетел в двадцать первый век и, когда вернулся, поведал, что люди тоже этим занимаются, смотрят по телевизору длинные истории про всяческие жизненные перипетии и горячо обсуждают, и у них это называется «смотреть сериал». Слово Камню понравилось, и теперь они с Вороном, выбирая себе героя и отслеживая его жизнь, тоже считали, что смотрят сериал. А что? Разве не похоже?

С предложением насчет сериала Ворон с удовольствием согласился и немедленно расправил крылья.

– Ну так чего, я полетел, что ли?

– Давай, давай, лети.

– А куда? Есть идеи?

Камень призадумался. В последний раз они смотрели про жизнь какого-то египетского фараона, кажется, Эхнатона, а до этого у них в работе была история белошвейки из французского Средневековья. Кого же выбрать теперь?

– Может, куда-нибудь в начало компьютерной эпохи? – неуверенно проговорил он. – Там всегда интересно, интеллектуальный конфликт поколений, и все такое.

– Чего там?! – Ворон вытаращил на приятеля круглые блестящие глазки. – Какой конфликт?

– Интеллектуальный, – терпеливо пояснил Камень. – Одно поколение выросло без компьютеров и без Интернета, а уже их дети и внуки всем этим вовсю пользуются, соответственно, у них совершенно разный темп жизни, менталитет, уклад. У них вообще все принципиально другое. В общем, для тебя это сложно, не морочься, ты делай, как я говорю.

Камень был мыслителем, даже где-то философом. Он всю жизнь лежал неподвижно на одном месте и видеть мог только то, что находилось в непосредственной близости от него, посему всю мощь недюжинных мозгов направлял исключительно на анализ информации, поступающей извне, ничем другим заниматься он не мог по определению. Ворон же был попроще, зато мобильнее, летал, где хотел, вел активную личную жизнь, много путешествовал и вообще всячески развлекался, и на глубокомыслие у него не хватало ни времени, ни усидчивости.

– Тоже мне, нашел мальчика на побегушках, – обидчиво заворчал Ворон, подбираясь и готовясь взлетать. – А может, я против? Может, мне другое интересно? Я, может, середину двадцатого века люблю, а ты меня в какую-то тмутаракань загоняешь.

– Ну и далась тебе эта середина двадцатого! – Камень даже не пытался скрыть раздражение. – Чего ты к ней прилепился? По каждому поводу туда лазишь. Медом тебе там намазано?

Ворон от возмущения аж подпрыгнул и чуть было не поскользнулся.

– Да что ты понимаешь, старая развалина! Середина двадцатого – это личности такого масштаба, что другим эпохам и не снилось! Сталин, Броз Тито, Кастро, Че Гевара, генерал де Голль – и все одновременно! Где ты еще такое найдешь? И потом, туда ходить удобно, там дырища – во! – Он широко взмахнул крыльями, чтобы наглядно продемонстрировать Камню размер прохода, и все-таки не удержал равновесия на скользкой поверхности, вынужденно взлетел и уселся на

нижней ветке дерева, стоящего рядом. – На одни только похороны Сталина знаешь сколько желающих посмотреть? На март пятьдесят третьего дыра самая большая, самая удобная.

– Не торгуйся, лети давай куда сказано. Если повезет, может, вернешься в свои любимые пятидесятые, ты же знаешь, я истории люблю с самого начала смотреть.

Ворон улетел искать героев, а Камень уже погрузился было в привычную дрему, когда почувствовал легкое щекочущее прикосновение где-то в самом низу, с левой стороны.

– Ты, что ли? – радостно встрепенулся Камень.

– Ну а кто же? – последовал едва слышный ответ. – Как дела?

– Нормально. Ты надолго в наши края?

– Собираюсь надолго, а там как получится.

– Это хорошо, – обрадовался Камень. – А то мы тут новый сериал затеваем, так я без тебя как без рук. И вообще, я по тебе соскучился.

– Я по тебе тоже, – донесся снизу вздох. – Вот ведь дожили, а? Живем целую вечность, а прячемся от твоей Трясогузки, как пацаны нашкодившие. Да я все понимаю, тебе с Каркушей твоим ссориться нельзя, он – твои глаза и уши, окно в мир, можно сказать. Мне-то что, я ползаю где хочу, если что не по мне – мышцу напряг и свалил, а тебе тут лежать и лежать, бедолаге.

Когда-то они дружили втроем – Ворон, Камень и Змей. Был в их компании Вечных и четвертый – Ветер, но он со своим легкомыслием и непостоянством так и не смог крепко вписаться в коллектив и до сих оставался на положении просто приятеля, доброго знакомого, который то через день в гости заглядывает, а то вдруг пропадает на долгие месяцы, не прощаясь, и вестей о себе не подает.

Многие тысячелетия все шло у них хорошо, но в один отнюдь не прекрасный момент начался разлад. Почему? Да из-за Ворона все, хотя сам Ворон был свято

уверен в том, что виновником конфликта являлся вовсе даже Змей. Причиной же явилось сперва едва заметное соперничество, а впоследствии яростная, жгучая ревность. Дело в том, что Змей обладал той же способностью, что и Ворон, – находить дыры в пространственно-временном континууме, однако если Ворон в целом неплохо находил место, но в желаемое время умел попадать только приблизительно, плюс-минус неделя, то Змей мог оказаться в нужном месте и в нужное время с точностью до секунды и миллиметра. Ворон чувствовал себя ущербным, столь явного превосходства товарища стерпеть не смог и начал потихоньку оттеснять Змея от Камня, страшно интриговал, даже ложь пускал в ход и старался на пустом месте раздуть пусть мелкую, но ссору, дабы выставить Змея перед Камнем в самом невыгодном свете. Философ и созерцатель Камень видел происки старого друга насквозь и ужасно расстраивался, понимая, что мирного исхода все равно не будет: Ворон старел и с годами становился все более нетерпимым к чужим достоинствам. Он был очень привязан к Камню и хотел владеть его вниманием единолично, для чего стремился сделать Камня зависимым от себя. А добиться этого можно было, только убрав Змея с глаз долой. В итоге по инициативе Ворона разгорелся конфликт, который поставил точку в существовании тысячелетнего триумvirата. При этом суть конфликта никто вспомнить уже не мог, в памяти остался лишь результат. Ворон поставил перед Камнем вопрос ребром:

– Выбери, или я, или эта гадюка. Завтра прилечу за ответом.

Змей проявил свойственную ему мудрость и готовность к компромиссу.

– Скажи, что выбираешь его, – посоветовал он Камню. – Пусть этот пернатый дурень успокоится. Он все равно подолгу на одной ветке усидеть не может, будет мотаться по всему свету, а я буду к тебе приползать, когда его нет.

– Что ж ты предлагаешь, прятаться, как школяры, которые тайком курят в туалете? – возмутился тогда Камень.

– Ой, много ты школяров-то видел в своей жизни! – рассмеялся Змей. – Особенно курящих в туалете. Ты хоть видел когда-нибудь, как люди курят? Как это вообще выглядит? А в туалете бывал? Что такое унитаз, знаешь?

– Ну, не видал, ну, не бывал, – ворчливо согласился Камень. – Мне Ворон рассказывал. Он хорошо рассказывает, ты же знаешь, я будто своими глазами

все вижу.

– Вот, Камешек, мы и подошли к самому главному, – свистящий шепот Змея стал серьезным. – Ты без Ворона – никуда. Пропадешь ты без него. А от меня тебе пользы никакой, я хоть и умею поболее, чем этот перистый лазутчик, но сериалами не увлекаюсь, да и рассказчик я хреновый, так что скрасить твое одиночество не смогу. Скажи, что выбираешь его, а меня прогнал, я не обижусь, буду к тебе заходить, как возможность представится.

Камень долго горевал, но сделал так, как советовал мудрый Змей. С тех пор так и повелось: Ворон был у Камня как бы официальным другом, полноправным и полновесным, а Змей – тайным, бесправным. Если Ворон при просмотре очередной истории пропускал что-то важное и потом не мог попасть туда, где это важное можно было узнать, на помощь Камню неизменно приходил Змей, легко находивший ответы на все вопросы.

Друзья успели обсудить не только здоровье Камня, но и посплетничать о Ветре, который из последнего путешествия вернулся каким-то чудным, задумчивым, рассеянным, не иначе влюбился в какую-нибудь радугу, когда Змей настороженно приподнял аккуратную овальную голову:

– Кажись, летит твой вестник с полей. Ну все, я уполз, но я тут неподалеку буду, заскочу при случае.

Это и вправду был Ворон, уставший, но с гордым блеском в глазах.

– Нашел! – торжественно объявил он. – Семейка – пальчики оближешь, в их отношениях сам черт ногу сломит, как раз как ты любишь. И время – как ты заказывал, начало двадцать первого века. Скажи, что я молодец! Я...

– Ну давай же рассказывай, – нетерпеливо прервал его Камень. – Что там за отношения?

Ворон переступил с лапки на лапку и нервно повел клювом.

– Ты что это? – с нескрываемым подозрением спросил он, недобро прищурился левый глаз. – К тебе этот дырявый шланг, что ли, приползал?

Просто поразительно, как Ворон чуял старого соперника! Камню пришлось изобразить праведное негодование:

- Да ты с ума сошел! Он сюда больше не является.

- Не смей мне врать! Я чую, чую... - Ворон повел клювом справа налево и обратно. - Скажи честно, приползала эта драная веревка?

- Да нет же, уймись ты.

- Честное слово?

- Честное слово. Давай, рассказывай.

- Значит, так, - приступил Ворон. - Какое-то загородное сборище, не то семейный обед, не то день рождения. Народу - десять человек, возраст - от примерно двадцати до шестидесяти. Дом такой... ну, не Тадж-Махал, конечно, но ничего, по ихним меркам приличный, с участком. Одна пара: она его любит, он ее тоже, но пока об этом не знает...

- Как это? - удивился Камень.

- Ну вот так. Он думает, что он ее давно уже совсем не любит, а любит другую, а на самом деле любит. В общем, это сложно. Ладно, не перебивай. Другая пара: она его любит, а он в это не верит, хотя сам ее тоже любит. Третья пара: они любят друг друга, но все остальные в этом сильно сомневаются. Четвертая пара: он ее любит, но она не верит, что он ее любит, а сама...

- Стоп, стоп! - остановил его Камень. - Я запутался. Там что, одна сплошная любовь?

- Ну да. А что тебе не нравится?

- А где ненависть? Где ревность, месть? Старые обиды? По-моему, ты какую-то ерунду нашел.

– Ничего не ерунду, – обиделся Ворон. – У них в глазах знаешь сколько горя? У каждого. И болезни там всякие, и потери, только они про них вслух не говорят, но я-то вижу. Интересно же, как это бывает: на душе сплошное горе и боль, а снаружи сплошная любовь.

– Не знаю, не знаю, – засомневался Камень. – Не уверен, что это будет так уж интересно.

– Ну хочешь, я лет на десять назад слетаю, погляжу, как там и что, – предложил Ворон.

– Валяй.

Вернулся Ворон довольно скоро. Перья на крыльях встрепаны, глаза безумные.

– Слушай, там такое! В доме полно полиции...

– Милиции, – поправил его Камень.

От постоянных путешествий в пространстве и времени у Ворона в голове образовалась настоящая каша, он путал все на свете и мог, например, болгарскую ракию назвать «саке», а императора Карла Великого – президентом страны.

– Ладно, милиции. В общем, в доме полно этих жандармов, а они рыдают.

– Кто – они?

– Женщины. Я же не знаю пока, как их зовут. Сидят обнявшись и режут. Тебе уже интересно или еще дальше смотреть?

– Посмотри еще, – попросил Камень. – Пока что-то не очень убедительно.

В следующий раз Ворон доложил, что видел каких-то мужиков с бритыми головами и еще одного, в темных очках и с усами, они что-то злобно говорили «ей», а «она» варила им кофе и тихонько плакала. Как «ее» зовут, он снова узнать не успел, потому что бритоголовые и усатый никак к ней не обращались.

Но и этого Камню показалось мало, и Ворон снова отправился добывать информацию, на этот раз куда-то в начало восьмидесятых годов.

– Их допрашивают. В комендатуре. И между прочим, за ними какой-то таинственный тип следит.

– В комендатуре допрашивают или в прокуратуре? – уточнил Камень, не терпевший неясностей.

– Там вывеска была, но я прочитать не успел, заметил только, что слово длинное и заканчивается на «...тура». А тебе не все равно? – огрызнулся Ворон. – Нам надо принципиальное решение принимать, смотрим мы это или нет, а ты к мелочам цепляешься. Лично я считаю, что надо смотреть.

– А вот я не уверен. Слетай еще посмотри.

На этот раз Ворон вернулся довольный.

– На свадьбе был, – отрапортовал он. – Ух, красотища! Невеста вся в белом платье, красивая до невозможности, глаза сияют, зубы сверкают, жених тоже по всем статьям хорош, высокий, широкоплечий, в черном костюме, танцуют вместе – загляденье! И все вокруг так радуются, так радуются! И подруга невесты тоже за нее радуется, сидит за столом такая счастливая – просто приятно посмотреть. Кстати, я узнал, как ее зовут: Люба.

– Кого – невесту?

– Да нет же, подругу. Невесту как-то мудрено зовут, я не очень разобрал. Это вот как раз Люба тогда бритоголовым кофе варила и плакала втихаря. А еще у нее сестра есть, рядом с ней сидит, страшенькая такая, так она как раз, наоборот, к этой свадьбе очень плохо относится, смотрит на жениха с невестой так, словно готова на куски порвать. А еще там парень один сидел, я его узнал, он на той загородной собирушке тоже был, так ты бы видел, как он на невесту пялился! С таким ехидством, с таким злорадством, словно подсунул ей порченный товар за бешеные деньги и теперь ручонки потирает. Правда, интересно?

– Интересно, – не смог не согласиться Камень. – Вот уж когда интересно – тогда интересно, тут и не поспоришь. Ну, так кого выбираем: невесту, счастливую подругу или ее озлобленную сестру?

– Про невесту неинтересно, – тут же начал выдвигать аргументы Ворон, – вышла она замуж за своего красавца и будет жить с ним тихо-мирно. Скучно. Я бы выбрал подругу, которая за нее радуется.

– А почему не злую сестру?

– Да ну ее, с ней и так все ясно. Влюблена небось в жениха по уши, вот и злится, что он на другой женится. Зато с подругой, с Любой этой, ничего не понятно. Ты мне поверь, я знаю, что говорю, я на стольких человеческих свадьбах побывал – не перечесть, но никогда не видел, чтобы девушка так радовалась за подругу, которая замуж выходит. Она не просто радуется – она счастлива, как будто это самый главный и самый лучший день в ее жизни. Вот мне и интересно почему.

Но Камень все не мог избавиться от сомнений и склониться к выбору.

– А может, будем смотреть про того парня, который, как ты выразился, порченный товар подсунул?

– Нет, – твердо каркнул Ворон, – я настаиваю на Любе. Вот увидишь, не пожалеешь.

Камень знал пристрастие своего друга к женщинам определенного типа. Если была возможность, именно таких женщин Ворон старался выбрать в качестве героя истории.

– Ну ладно, – согласился Камень, – давай про Любу. Только ты уж найди там место, когда они все еще знакомы не были, с него и будем смотреть. Кажется, это как раз получается твоя любимая середина пятидесятых.

– Сделаю, – Ворон обрадованно вспорхнул с ветки. – Все будет в лучшем виде.

* * *

...Пыль никак не желала извлекаться из глубоких складок пышного бело-розового кринолина с голубыми бантами, и Люба все туже и туже обертывала свой тоненький пальчик специальной мягкой тряпочкой, пытаясь все-таки пролезть в те места фарфоровой статуэтки, где скопилась эта злосчастная, непонятно откуда взявшаяся пыль. А ведь эту фарфоровую барышню в такой неправдоподобно красивой юбке с бантами и с розово-зеленым веером в изящной опущенной вниз ручке Люба любила больше всех остальных статуэток, составлявших бабушкину коллекцию. Сама коллекция была, по мнению девочки, огромной – целых тридцать две фигурки, и бабушка Анна Серафимовна, баба Аня, или просто – Бабаня, как называли ее внучки, обожала свое сокровище и ни за что не пожелала оставлять его в Москве на целых три дачных летних месяца, тщательно упаковывала каждую фигурку в мягкую бумагу, всю дорогу на электричке от Москвы, а потом на автобусе до дачного поселка держала драгоценную коробку на коленях, потом так же тщательно распаковывала экспонаты, любовно расставляла по своей комнате и строго-настрого наказала Любе и ее старшей сестре Тамаре протирать фигурки от пыли каждый божий день. В комнате Бабани было большое всегда чисто вымытое окно, слегка затененное лишь белоснежными тюлевыми занавесками, поэтому каждую пылинку в этой самой светлой комнате было отлично видно. Дома, в Москве, Анна Серафимовна ухаживала за своей коллекцией сама – все-таки девочки учатся в школе, а уж теперь-то, во время летних каникул, у них полно свободного времени.

А вот у самой Бабани Анны Серафимовны на даче хлопот полон рот: семья из пяти человек, сын Николай, Николенька, невестка Зина, да две внучки, да сама Бабаня, и все должны быть накормлены, и не вчерашним, впрок приготовленным, а сегодняшним, с пылу с жару, и все должны быть обстираны, каждое утро надевать все чистое, заштопанное и наглаженное, и скатерть на столе должна быть белоснежной, без единого пятнышка, и хрустеть от крахмала, и занавески и подзоры на окнах – стерильными. И как же не стирать и не гладить каждый день, если у девочек всего-то по две смены белья да по два платьица? Хорошо хоть у Николая форма, он в милиции служит, но и за ней надобно следить, чтобы капитан Николай Дмитриевич Головин выглядел достойно. А сад с многочисленными кустами черной и красной смородины и крыжовника? А заготовки на зиму, огурчики-помидорчики, которые надо сперва купить у кого-нибудь из местных, потом закатать в предварительно простерилизованные банки? А варенье из «своей» смородины и крыжовника? Впрочем, «своими» ягоды можно было считать весьма условно, принадлежала дача в подмосковном поселке не Головиным, а одной очень старой актрисе Малого театра, Юлии Марковне Венявской, которая сдала им эту дачу бесплатно,

а вместо денег попросила несколько банок варенья и компота из растущих на участке ягод. Но что такое несколько банок для одинокой старухи, которая часто болеет и не всегда может выйти в магазин? Бабаня справедливо рассудила, что за три месяца бесплатной жизни в хорошем, крепком просторном доме с садом Головины должны «отдариться» таким запасом всевозможных заготовок, чтобы актрисе хватило на год, до следующей осени. А полы, которые полагалось надраивать два, а то и три раза в день? А половики, на которых не должно быть ни соринки? А посуда, которая от самой большой кастрюли до самой маленькой ложечки для варенья должна сверкать и скрипеть? В общем, хлопот у Анны Серафимовны выше головы, и, разумеется, внучки ей должны во всем помогать, а заодно и учиться готовить, вести хозяйство и вообще содержать дом как должно.

И Люба к своим одиннадцати годам уже многое из бабушкиной науки освоила: и супы готовить умела, и котлеты жарить, и пироги печь, и штопать, не говоря уж о такой ерунде, как пуговицу пришить (этим нехитрым искусством она овладела лет, наверное, в шесть) или гладить. Училась она Бабаниным премудростям с интересом и любую работу по дому выполняла с удовольствием, не в тягость ей было. А вот Тамара... Нет, если полы помыть, одежду постирать или в магазин сбегать – тут от старшей сестры отказа никогда не было, но у нее была какая-то своя собственная шкала, какой-то внутренний приборчик, при помощи которого она раз и навсегда отделила для себя важное и нужное от всякой, как она сама выражалась, «мещанской придури», и никому в семье Головиных не удавалось сбить ее с ориентиров ею же самой расставленных по ранжиру ценностей. Пол должен быть чистым? Конечно! Одежда должна быть опрятной? Безусловно. Притащить из магазина продукты? Не вопрос. Ну и дырки в носках или оторванные пуговицы – это, само собой, тоже непорядок. Завтрак, обед и ужин тоже хорошо бы, чтобы были. Но вот ежедневно протирать бабушкины фарфоровые статуэтки – это явный перебор. И вообще, статуэтки там всякие – это чистой воды мещанство, пережиток прошлого. И хрустящая от крахмала скатерть – тоже глупость, вполне достаточно, если она будет просто чистая и наглаженная. И пироги, каждый день разные, печь совсем необязательно, барство это – ежедневно баловаться такой вкуснятиной, раз в неделю по воскресеньям в самый раз будет. А уж про соленья-варенья и прочее Тамара даже слышать не хотела! Ну что за глупость, право слово, сперва в несколько заходов осторожно обирать кусты, чтобы не повредить еще не созревшие ягодки, потом часами сидеть и тупо срезать маникюрными ножницами носики у смородины и крыжовника, выковыривать шпилькой косточки из вишни – от одного этого можно с ума спятить, а потом тащить из продмага сахар, и вся кухня и веранда заставлены тазами и банками – бр-р-р!

Ведь в это время можно почитать или порисовать, во всяком случае, сделать что-то действительно важное и нужное. А варенье и компоты – разве это важно и нужно? Если не с чем пить чай, можно купить карамелек или сушек, а если уж захочется компотику – сварить из чего-нибудь, что продается в магазине, хоть из яблок, хоть из сухофруктов. Одним словом, Тамара в домашних хлопотах помощницей была неважной, предоставляя младшей сестре зачастую отдуваться за двоих, если уж Любаше это все так нравится. Люба на сестру не обижалась, она обожала Тамару и искренне считала ее очень взрослой, умной и красивой и в силу именно этих качеств имеющей право выбирать, что ей делать. Мама девочек, Зинаида Васильевна, какое-то время пыталась ругаться с Тамарой и наказывать строптивое чадо, но очень быстро выяснилось, что это бесполезно: крика Тамара не боялась, на громкий голос и обвинения никак не реагировала, а наказание воспринимала не то что с безразличием – даже как будто с радостью. Ведь не бить же ребенка, это непедагогично, значит, надо не пустить его в кино или на прогулку. Тамара, выслушав очередной приговор рассерженной матери, тихо улыбалась и садилась «в угол» с книжкой или альбомом для рисования. Кажется, для счастья ей вообще больше ничего не было нужно. Зина махнула рукой и оставила попытки перевоспитать старшую дочь. Отец же, Николай Дмитриевич, в процессе воспитания, равно как и наказания, участия не принимал, он нежно любил обеих своих девочек и даже не подозревал, какие баталии разыгрываются за его спиной, пока он несет нелегкую свою службу по охране общественного порядка и защите прав и интересов граждан: Бабаня строго-настрого запретила всем рассказывать ее сыну то, что может его огорчить или рассердить. «Дом должен быть островом счастья, мира и покоя, – не уставала она повторять, – особенно для того, у кого такая тяжелая и опасная служба». Сама же Анна Серафимовна принимала поведение старшей внучки как должное, постоянно обращалась к ней с поручениями и спокойно относилась к отказам. Люба, любившая сестру, от души этому радовалась, но понять не могла. Почему мама сердится, а бабушка – нет?

Слушая негромко звучащее радио, Люба продолжала свою монотонную работу. А по радио обсуждали чудесный фильм «Высота», который вышел только в апреле, но Люба с Томой успели в Москве его посмотреть. Любе особенно нравился Николай Рыбников в роли главного героя, а Тамара только насмешливо фыркала и говорила, что ей слишком положительные герои не нравятся. Еще по радио рассказывали про лозунг «догнать и перегнать Америку», то есть догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения, и про постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих». Это было Любе уже неинтересно. Самое интересное было, само

собой, про Фестиваль молодежи и студентов, который совсем недавно проходил в Москве.

Дома Люба, конечно, больше любила слушать радиолу. В ней был приемник и проигрыватель для пластинок. К сожалению, на дачу радиолу не брали – боялись сломать в дороге, так что приходилось обходиться радиоточкой, по которой передавали только одну программу, и если по ней было скучное – тут уж ничего поделывать было нельзя.

Но самой большой мечтой всей семьи был телевизор – настоящий «КВН-49» в деревянном полированном ящике и с волшебной линзой для увеличения изображения. Внутри линзы наливался глицерин или специальная, очень чистая вода, чтобы изображение было четким. Такое чудо в их коммунальном бараке, где Люба с родителями, бабушкой и старшей сестрой занимали двадцатиметровую комнату, было только у одних соседей, и иногда вечером Анна Серафимовна, Зинаида и девочки ходили в гости его смотреть. Это были сказочные вечера. В глубине души Любе не верилось, что когда-нибудь она у себя дома сможет запросто подойти к своему телевизору, повернуть ручку и посмотреть какой-нибудь фильм. Вот если бы можно было вытирать пыль и одновременно смотреть кино, тогда она готова была бы чистить коллекцию хоть три раза в день!

Ей все-таки удалось добраться до пыли в самой глубине фарфоровой складочки. Люба удовлетворенно вздохнула и принялась за следующую фигурку.

– Ну и дурища же ты, Любка! – раздался за ее спиной сердитый голос Тамары. – Ты что, всю жизнь собираешься провести возле этой рухляди с тряпкой в руках?

– Бабаня велела, – твердо ответила Люба. – И я всегда это делаю.

– Да делай на здоровье, если нравится, кто ж тебе не велит. Но нельзя же всю жизнь только этим и заниматься. У нас каникулы, мы на даче, а ты тратишь время на всякую ерунду. Можно сделать то же самое в сто раз быстрее.

– Как? – удивилась Люба.

Ей казалось, что она работает быстро, ловко, да и бабушка ее всегда хвалит, мол, Любаша у нас спорая да проворная. Как же еще быстрее?

- Ой, дурища ты, дурища, - горестно вздохнула Тамара и вышла из комнаты.

Вернулась она через минуту, неся в руках кастрюлю с водой и чистое, истончившееся от бесчисленных стирок полотенце.

- Ну? - она с вызовом поглядела на младшую сестру.

- Что - ну? - не поняла та.

- Не допираешь?

- Нет.

- Да смотри же!

С этими словами Тамара выхватила из Любиных рук галантного кавалера, склонившегося перед кем-то в поклоне - наверное, перед царственной дамой - сунула в воду, тут же вытащила и насухо обтерла полотенцем. Ни пылинки не осталось. Вот это да!

- Поняла теперь, бестолочь?

В голосе Тамары не было ни злости, ни раздражения, просто она была грубовата, но только на язык, а не на чувства, и, называя сестренку «дурищей», «бестолочью» и еще множеством всяческих нелестных эпитетов, вовсе не считала, что Люба глуповата и бестолкова, и все неллицеприятные слова, которыми Тамара награждала ее, произносились с неподдельной нежностью и любовью.

- Поняла, - кивнула Люба. - Но Бабаня велела протирать.

- Балда ты, Любка! Бабаня велела, чтобы в этом мещанском барахле пыли не было, а корячиться каждый божий день по три часа она разве велела? Давай я тебе помогу, мы сейчас в четыре руки быстренько все перемоем, вытрем - и можешь идти гулять. Пять минут - и все готово. Бабаня и не узнает, если ты сама не проболтаешься. Она куда ушла?

– За вишней на варенье.

– У-у, – Тамара махнула рукой, – это на другой конец поселка, она только там у одной тетки вишню берет, я знаю, в прошлом году я с ней вместе ходила. Это надолго. Ну давай, чего стоишь как вкопанная?

Люба робко взяла скульптурную группу, изображающую двух гимназисток, играющих с собачкой, и осторожно опустила в воду.

– Давай шевелись, – подбадривала ее сестра, хватая с комода старого шарманщика с собакой, кошкой и обезьянкой – самую любимую бабушкину статуэтку. Глядя на стремительные и резкие движения Тамары, Люба даже зажмурилась от ужаса, представив себе, что будет, если статуэтка разобьется.

Тамара бросила на нее лукавый взгляд и усмехнулась:

– Не бойся, не разобью, сохраним Бабанино мещанство в целости.

И вправду, все получилось очень быстро, буквально за несколько минут, а ведь обычно на эту работу уходило часа полтора. Просто удивительно, ведь Люба протирает коллекцию каждый день, и каждый день обнаруживаются новые пылинки и соринки. И откуда только они берутся?

– Спасибо тебе, Тома, – Люба с чувством обняла сестру, – я бы ни за что не догадалась. Все-таки ты ужасно умная, а я, наверное, и в самом деле дура.

– Не смей так говорить! – внезапно рассердилась Тамара. – Никакая ты не дура.

– Но ты же додумалась, а я нет, – возразила Люба. – Значит, ты умная, а я – нет.

– Не в уме дело, Любаня.

– А в чем же тогда?

– В том, что ты послушная и покорная, а я – самостоятельная и независимая.

– Как это?

– Ну... вырастешь – поймешь. Ты еще маленькая. Иди вон лучше погуляй, смотри, сколько времени я тебе освободила. Бабаня еще не скоро вернется. А когда вернется, заставит тебя косточки из вишни выковыривать, опять на целый день застрянешь.

Гулять, конечно, хотелось, но идти одной Любе было скучно. На этой даче они проводят уже второе лето, а Люба так ни с кем из сверстников и не познакомилась, и друзей в поселке у нее не было. А как познакомиться-то? Подойти на улице или на берегу озера к какой-нибудь девочке и предложить дружить? Глупо как-то, да и неловко. Люба Головина была девочкой скромной и застенчивой, в отличие от старшей сестры, которая за словом в карман не лезла и могла заговорить с кем угодно и где угодно. Вот если бы у Тамары здесь, в поселке, были друзья, то и Люба вошла бы в их компанию. Ну и что, что они старше, у них ведь наверняка есть младшие братья и сестры, вот и Люба обзавелась бы приятелями. Беда, однако, в том, что Тамара ни с кем не желает знакомиться, ей бы только читать и рисовать – и ничего больше не нужно, она даже во время каникул каждую неделю ездит на автобусе и на электричке в Москву, в библиотеку, прочитанные книжки сдает и привозит новые, которые и читает все дни напролет. Конечно, ездить не очень удобно, электрички с Киевского вокзала идут только до платформы «Апрелевка», а дальше нужно добираться автобусом до расположенного рядом совхоза, но ничего, автобусы ходят четыре раза в день, два раза утром и два раза вечером, так что и Тамара справлялась со своими поездками, и мама с папой ездят каждый день на работу и возвращаются на дачу. Можно от электрички и пешком дойти, правда, долго очень, но Тамару это не смущало.

– Тома, а пойдем вместе погуляем, – робко предложила Люба.

– Еще чего! – фыркнула та. – Делать мне больше нечего, только гулять.

Люба вздохнула, сунула ноги в стоящие на крылечке сандалетки и отправилась на озеро. Прозрачное и чистое озеро было одним из сокровищ их дачного поселка. Дома стояли в лесу в окружении вековых сосен и елей, а в центре поселка, как драгоценный сапфир, – озеро. Со дна били холодные ключи, и потому вода всегда была прохладной и чистой. Все лето в нем купались и взрослые, и дети, а во время каникул ребята проводили здесь целые дни. На озеро прилетали утки, и все ходили на них смотреть и кормить их сухими

корками хлеба, потом утки разбивались на пары, и наблюдать за этим было забавно и трогательно. Сама Люба этого никогда не видела, Головины переезжали на дачу только в начале июня, когда заканчивались занятия в школе, но Бабаня Анна Серафимовна рассказывала, как это бывает и что происходит до того, как в июне появляются маленькие утята, покрытые нежным пухом. Утят Люба видела и с интересом наблюдала, как они растут, как гуськом плывут за мамой-уткой, как учатся летать и в конце августа становятся на крыло, а все остальное живо представляла себе со слов бабушки.

Одной, конечно, скучно, что и говорить, но там, на озере, все время собираются ребята, во что-то играют или жгут костер и пекут картошку. Люба давно наблюдала за ними, еще с прошлого года, почти всех знала в лицо и особенно выделяла одну девочку с необычным, каким-то нерусским лицом, черноволосую и яркоглазую. Судя по всему, эта девочка была главной заводилой в компании, ее смех звенел громче всех, а остальные ребята смотрели на нее с восхищением и обожанием. Вот если бы эта девочка заметила сидящую поодаль Любу, обратила на нее внимание, заговорила бы с ней! Тогда случилось бы чудо, и Люба оказалась бы среди них, таких веселых, занятых чем-то ужасно интересным и увлекательным, она вошла бы в этот замкнутый клан избранных, никого к себе не допускающих и живущих своей особой, необыкновенной дачной жизнью. А в том, что такая жизнь существует, Люба нисколько не сомневалась, в ее классе многие ребята летом отдыхали на дачах и потом с горящими глазами взахлеб рассказывали о своих приключениях. Когда в прошлом году отец торжественно объявил, что каникулы девочки проведут с бабушкой на даче, счастьем Любы не было предела, она не могла дождаться дня отъезда, с восторгом предвкушая известные до той поры только понаслышке радости и удовольствия.

А вышло все совсем не так: много забот по дому и никаких приключений. Наверное, она, Люба, и в самом деле дурища, если не может вот так запросто взять и завести себе друзей.

На озере было безлюдно, взрослые на работе, а ребят сегодня не оказалось, наверное, в лес пошли или, может, все вместе в Москву уехали погулять или в соседний поселок за мороженым отправились. Люба посидела, поглядела на воду, погрустила и поплелась домой. Скоро Бабаня вернется, надо будет ей с вареньем помогать, потом с обедом, потом опять с вареньем, потом с ужином, мама приедет из Москвы, с работы, они будут сидеть на веранде, пить чай, ждать папу, который возвращается поздно. Вот день и закончится. Опять ей не

удалось ни с кем познакомиться... Грустно Любе, скучно. Ой, да что это она, бабушка собиралась ведь сегодня научить ее делать слоеное тесто, сдобное-то Люба уже более или менее освоила и теперь мечтала самостоятельно испечь папин любимый торт «Наполеон». Вот здорово! Вспомнив об этом, девочка просияла и вприпрыжку побежала к дому.

* * *

Бабушка Анна Серафимовна, как и всегда, позвала Тамару поучаствовать в подготовке вишни и, как и всегда, получила категорический отказ.

– Я не собираюсь потакать мещанству, – заявила девочка, не отрываясь от альбома для рисования. – Все эти ваши варенья и соленья – чистой воды мещанство и барство.

– А мне кажется, нет ничего мещанского в том, чтобы вечером собраться всей семьей за самоваром, попить чаю с вареньем и поговорить, – мягко заметила Анна Серафимовна, как и всегда, ничуть не рассердившись.

– Я не ем варенья.

Справедливости ради надо заметить, что это было совершенной правдой. Тамара терпеть не могла сладкого, она не то что чистое варенье или конфеты – даже пирожки со сладкой начинкой не ела, а любимым ее лакомством была горбушка черного хлеба, тонко намазанная горчицей и присыпанная солью.

Однако бабушкиному терпению, казалось, не будет предела.

– Ласточка моя, разве дело в том, ешь ты варенье или нет? Можешь не есть, тебя никто не заставляет. Но ты должна уметь его готовить, и не абы как, а правильно, чтобы оно было не только вкусным, но и красивым, прозрачным, и ягодки чтобы были красивыми, одна к одной, целыми, не треснутыми, не лопнувшими. Мало ли, как жизнь сложится. А вдруг твой муж окажется сладкоежкой и захочет есть варенье каждый день, а ты и не знаешь, с какой стороны за дело взяться? Вы с Любочкой у меня две любимые внучки, и моя святая обязанность вырастить вас такими, чтобы вы стали хорошими женами. Ты ведь собираешься когда-нибудь выйти замуж и завести свою семью, детей, а,

Томочка?

– Еще чего! – слышался традиционный в таких случаях ответ. – Делать мне больше нечего.

Анна Серафимовна тихо улыбнулась, слегка сжав губы, словно услышала что-то очень глупое и смешное, но рассмеяться почему-то нельзя, и снова принялась выковыривать шпилькой косточки. Люба почувствовала, как запылало лицо. Каждый раз, когда начинался такой разговор, она испытывала ужасную неловкость, и еще ей становилось немного страшно. Однажды она случайно подслушала разговор Бабани с мамой. Мама сетовала на то, что «Томка растет злая и упрямая, при таком характере хоть бы внешность была, так нет, бог его знает, в кого она такая страхолюдная уродилась, рожа как оскомылок какой-то. Таковую разве кто замуж возьмет? Намаемся мы с ней, мама, вот увидите, намаемся». Люба была в ужасе от услышанного, она считала сестру очень красивой и с тех пор все время боялась, что Тома узнает, какие страшные слова говорила про нее мама. Страшные, обидные и несправедливые. И что это за «оскомылок» такой? Не то осколок, не то обмылок. Неужели можно так говорить про Тамару, умную, красивую и очень взрослую? Конечно, Тамара старше Любы всего на каких-то два года, но младшая сестренка считала ее ужасно взрослой.

* * *

– Занятная девчонка, – пробормотал Камень, выслушав первый подробный рассказ Ворона.

– Да брось, – каркнул тот пренебрежительно, – ничего в ней нет занятого. Простая, как корка хлеба, и такая же пресная. Ни характера, ни изюминки. Квашня какая-то, размазня. Вот вечно ты выбираешь черт знает кого, а мне потом мучиться, – Ворон имел обыкновение весьма удачно забывать все то, о чем помнить не хотелось, в частности, и то, что это именно он настоял на том, чтобы Люба была главной героиней истории, в то время как Камень предлагал рассмотреть других кандидатов. – Я бы лучше про ее сестру историю смотрел, вот уж там характер так характер! Врагу такую дочь и жену не пожелаешь. А ты все: Люба, Люба... Далась тебе эта Люба. Будем теперь от скуки париться. Вечно я тебя, колоду неподвижную, слушаю, а потом локти кусаю.

– Перья, – меланхолично поправил Камень, – или крылья. Чего ты разворчался-то? Не хочешь про Любу – давай про Тамару посмотреть, они же сестры, все равно про обеих получится.

Камень не стал ввязываться в пустую дискуссию и доказывать Ворону, что это он сам выбирал Любу. Пусть думает как хочет, лишь бы результат был. Но Ворон в ответ на предложенный Камнем компромисс немедленно заупрямился?

– Нет уж, – капризно заявил он, – ты сам решил, что смотрим про Любу, вот сам теперь и расхлебывай. И вообще, я уже настроился, в некоторых местах даже вешки возле дырок поставил, ну там, где интересное было, чтобы потом правильно попасть. Что ж теперь, вся подготовительная работа псу под хвост пойдет?

Камень в этот день был настроен особенно миролюбиво, поэтому не стал напоминать старому другу о том, как у того горели глаза и нервно пощелкивал клюв, когда он в красках живописал «полный дом полицейских», «бритоголовых бандитов» и таинственного человека, следящего за семьей Любы, и верещал на весь лес, что это «просто жуть как интересно и загадочно». Он сделал вид, что пропустил возмущенную тираду мимо ушей, и спросил как ни в чем не бывало:

– А что, эта Тамара действительно такая некрасивая?

– Без слез не взглянешь, – авторитетно заявил Ворон, считавший себя крупным знатоком женской красоты. – Я уж сколько людей перевидал, но такие, как Тамара, редко встречаются. Росточка небольшого, тощая как спичка, ноги как палки, руки как ветки, волосики реденькие, какого-то неизвестного цвета, не то серые, не то светло-коричневые, глазки маленькие, да еще узко поставленные, носик острый, подбородок вообще кургузый. Жуть малиновая, одним словом. Права ее мамаша-то, замуж ей с такой внешностью и с таким характером ни за что в жизни не выйти.

– Понятно, – протянул Камень. – А Люба? Она какая?

– А что Люба? Люба красавицей будет, это уже сейчас сказать можно. Шмакодявка ведь совсем, всего одиннадцать лет, а уже стать видна, глазищи огромные, серые, лицо такое нежное, и коса толстенная до... Короче, до ниже пояса. Такая, если захочет, шороху даст – все попадают. Только она ведь не

захочет, характер не тот, мямля она.

- А бабка? - продолжал допытываться Камень.

- Ну-у, - Ворон многозначительно шевельнул крылом, - бабка там мощная. Высокая, худая, голова аккуратно прибрана в такую, знаешь, кикку, или как у них это называется, я забыл...

- В пучок, - подсказал Камень.

- Ну в пучок, ладно. Значит, одета она в юбку и блузку, а на горле такая вроде брошки приколата, опять забыл, как называется, на тебя похоже...

- Камея.

- Во-во, она самая. Представляешь, она вот в таком виде и с камеей на шее за вишней через весь поселок перлась и обратно два ведра тащила. Спина прямая, идет ровно, да еще встречным-поперечным улыбается.

- Из дворян, что ли?

- Да откуда же мне знать? - раздраженно ответил Ворон.

Он ужасно не любил, когда Камень задавал вопросы об увиденном, на которые у него, Ворона, не было ответа. Получалось, что он вроде как работу свою плохо сделал, летал-летал, смотрел-смотрел, а в итоге чего-то не знает.

- Так ты узнай, - попросил Камень. - Интересно же, откуда такой занятный типаж взялся. Ну а родители девочек, ты их видел? Какие они?

- Не видел пока, - буркнул Ворон, готовясь взлететь с ветки. - Ладно, все узнаю, посмотрю, расскажу. Бывай покедова, пень ты замшелый.

Камень с усмешкой поглядел ему вслед и погрузился в дрему.

* * *

Анна Серафимовна Головина происхождением была из старинного купеческого рода Белозубовых. Отец Серафим Силыч любил повторять, что в их роду все были сплошь купцы да промышленники, не скрывая, гордился этим, однако единственную дочь замуж выдать мечтал «хорошо», что в его представлении означало «породниться с дворянством». На двух старших сыновей-то надежи никакой в этом плане не было, кого сами выберут – на тех и женятся, своенравными выросли, да и воспитаны были самостоятельными да властными, настоящими хозяевами, как испокон веку принято было в патриархальной семье Белозубовых, а вот младшенькую, Анютку, вырастили, опять же, как принято, послушной и покорной, такая все сделает, что отец велит, и замуж пойдет, за кого укажут. Только, конечно, постараться надо, чтобы девицу не стыдно было сватать. Из этих соображений воспитание и образование Анечка Белозубова получила самое что ни есть изысканное, с трех лет ее опекала гувернантка-англичанка, которая и прививала девочке, помимо множества необходимых знаний и умений, настоящую викторианскую мораль под девизом «леди не стонут». Истинная леди никогда не жалуется, не плачет, по крайней мере, при муже, не навязывает своего мнения, своих желаний и вообще своего присутствия, никогда не повышает голос, никого не оскорбляет, не употребляет «дурных» слов, держится скромно, но с достоинством, не выказывает своих эмоций, но в то же время умеет сделать так, чтобы даже в самые тяжелые времена и дом, и все его обитатели выглядели ухоженными.

Анна родилась в 1890 году, а в 1902-м, когда ей было всего двенадцать лет, Серафим Силыч внезапно скончался от удара, так и не успев узнать, что его самостоятельные и своенравные сыновья девятнадцати и двадцати трех лет от роду о продолжении семейного купеческого дела и думать забыли, поскольку попали под влияние революционно настроенной молодежи и давно уже посещали тайный марксистский кружок. Свалившееся на молодых людей немалое наследство немедленно было пущено на дело революции, а малолетняя сестра стараниями братьев стала приобщаться к большевистским идеям.

С поручиком Дмитрием Головиным Анна познакомилась в 1913 году, как раз перед самой войной. Покойный Серафим Силыч был бы доволен: офицер, из дворян, хоть и обедневших, но происхождения хорошего. Правда, революционно настроенный, большевик, ведущий в армии антимоноархическую пропаганду. Анна вышла замуж за Головина по большой любви, в 1916 году родила сына Николеньку, а в 1919-м овдовела. Дмитрий погиб на фронтах Гражданской, командуя красноармейским полком. Война, голод, разруха – все это Анна Головина, оставшаяся с маленьким сыном на руках, перенесла стойко, используя

все навыки, полученные в детстве и юности. Не напрасно учили ее достойно содержать дом даже в самые тяжелые времена, она умела варить борщ из крапивы, делать салат из одуванчиков, готовить из подорожника компрессы от гнойных ран, она знала множество растений, трав, грибов и ягод, из которых можно было, потратив немало времени и приложив много усилий и терпения, получить пусть не очень-то и вкусное, но полезное и питательное блюдо. Да, сынок Николенька рос не избалованным вкусной едой, но зато он никогда не был дистрофичным, хилым и болезненным.

И воспитывала его Анна Серафимовна точно так же, как принято было воспитывать мальчиков в ее семье: Николаю сызмальства внушалось, что он – мужчина и единственная опора и защита для своей матери. Он должен быть самостоятельным и нести ответственность за свои решения, даже за самые маленькие и незначительные. Однажды, когда Коле было пять лет, мать показала ему, сколько у них осталось денег, и сказала, что на них можно купить или хлеба, или сахару, и пусть мальчик сам решит, что в хозяйстве нужнее. Разумеется, Коля выбрал сахар, они вместе пошли в лавку и сделали покупку, вечером пили морковный чай с сахаром вприкуску, и Коля бурно радовался, что принял такое решение – вон как им с мамой вкусно, и сахару вдосталь, и еще на утро останется, а наутро он захотел есть и попросил хлебушка. Мать предложила снова попить чаю с сахаром, но сахару отчего-то не хотелось, а хотелось именно хлеба. «А на хлеб у нас больше нет денег, – спокойно сказала Анна Серафимовна. – Ты же сам вчера решил, что сахар нам нужнее. Ты – мужчина в семье, ты принял решение, ты взял на себя ответственность, как и положено мужчине, а я только выполнила твое решение, как и положено женщине. Я тоже очень голодна и тоже хотела бы поесть хлеба, но я ничего не могу сделать. Надеюсь, в следующий раз, когда ты будешь принимать решение, ты как следует подумаешь». Конечно, мать лукавила, и положение было вовсе не безвыходным, и денег еще немного было, и пара картофелин, и луковица, но она считала, что куда важнее воспитывать в сыне умение нести ответственность за свои решения. Мальчик должен сразу понять, что нельзя принимать решения в надежде на то, что, если оно окажется неправильным, придет мама и все перерешит, перекроит и сделает «как надо».

Старшие братья Анны Серафимовны, Прохор и Григорий, тоже принимали участие в воспитании Николеньки. Советская власть, помня их заслуги перед революцией, купеческих сыновей не только не обижала, но и всячески привечала, двигала по карьерной лестнице, выдвигала на руководящие посты. И Анне, вдове геройски погибшего красного командира, внимание оказывалось и пайками, и карточками, и комнату ей выделили в относительно малонаселенном

бараке – всего пять соседских семей, вместе с Анной и ее сыном шесть получается, а ведь другие-то живут, бывает, и по десять семей, и по пятнадцать, если барак или квартира большие. Не только братья Анне помогали, но и товарищи мужа не оставляли, навещали, помощь оказывали – кто чем мог. Красный командир Дмитрий Головин был для красноармейцев как отец родной, любил солдат, заботился о них и, не жалея сил, обучал военному делу, щедро делился всеми знаниями, которыми обладал сам как бывший кадровый царский офицер. Вокруг подрастающего Николеньки всегда были мужчины, и Анна Серафимовна не упускала возможности привить оставшемуся без отца мальчику модели «истинно мужского поведения», как она его понимала, всегда подчеркивала главенство мужчин и их безусловную правоту.

Николай вырос жестким, строгим, неулыбчивым, пошел по стопам отца – стал военным. В 1941-м ушел на фронт, в 1943-м с тяжелейшим ранением оказался в госпитале за Уралом, куда к нему из эвакуации немедленно прибыла мать, поселилась поблизости и ежедневно сидела у постели сына. Там она и заприметила санитарку Зиночку.

Зиночка, незатейливая, малообразованная, но простодушная, добрая, искренняя и, что немаловажно, очень красивая, работала в госпитале и искала себе мужа среди военных. Мать ее, работница местной фабрики детских игрушек, объяснила дочке, что с ее нелюбовью к учебе и получению знаний единственный способ устроиться в жизни более или менее прилично – это хорошо выйти замуж, лучше всего за офицера: и престижно, и зарабатывают они много. Конечно, найти мужа среди артистов или ученых тоже неплохо, даже, может быть, и лучше, но тут шансов у Зиночки, прочитавшей в своей жизни хорошо если две-три книжки, одна из которых – букварь, а вторая – учебник по литературе, практически никаких нет.

Зиночка присматривалась к раненым, ухаживала за ними, помогала писать письма, развлекала разговорами, а сама искала, искала... Попадались красивые, но им чаще всего нужно было только одно, сами знаете что, а она ведь не такая, ей хотелось серьезных отношений и последующего замужества. Были и такие, кто сразу звал замуж, но эти уж тем более доверия у девушки не вызывали. А вот старшего лейтенанта Головина Зина выделяла особо, хотя и не могла понять, нравится он ей или нет. Лицо грубое, словно из камня высеченное, никогда не улыбнется, смотрит строго, даже как будто сердито, разговаривает мало, но было в нем что-то, какая-то невидимая, но очень и очень осязаемая сила, которая и притягивала, и одновременно пугала. Зине он никакого особого

внимания не оказывал, и она никак не могла понять, замечает он вообще ее красоту или не видит ничего, погруженный в какие-то свои мысли. Когда к Головину приехала мать, Зина глянула на нее – и ахнула! Будто королева ступала по дощатому полу зауральского госпиталя – такая прямая была у женщины спина, так гордо поднят подбородок, и такое приветливое выражение светилось на тонком увядшем лице. Зиночка цену своей внешности знала отлично и точно так же отлично знала: начни она кокетничать и пускать в ход весь свой арсенал – никто не устоит, уж сколько раз проверено, но если до того дня она не была уверена, стоит ли затевать все это в отношениях с Головиным, то, увидев Анну Серафимовну, сразу решила, что стоит. В матери видна была порода, внутреннее благородство и безусловная порядочность, и все эти качества не могли не передаться сыну-офицеру.

Молоденькая санитарка стала все чаще оказываться у постели Николая, познакомилась с его матерью, да и самого Головина хоть чуть-чуть да разговорила и вдруг заметила, какой низкий, глубокий и красивый у него голос. С тех пор каждый день она открывала в нем все новые и новые достоинства – то мимолетную улыбку, в которой мелькнут ровные белые зубы, то мощный мускулистый торс, то родинку на шее, при виде которой у Зиночки почему-то сердце защемило. Она и сама не поняла, не уловила тот миг, когда целенаправленный матримониальный интерес уступил место искренней влюбленности.

Анна же Серафимовна ситуацию оценила быстро, все поняла и начала собирать сведения о влюбленной в ее сына санитарке. Поспрашивала то тут, то там, поузнавала и пришла к выводу, что девушка ни в чем плохом не замечена, себя соблюдает строго, вольностей в отношении себя не допускает, а что мужики вокруг нее вьются – так это естественно, при ее-то внешности было бы странно, если б не вились. Статная, крупная, широкобедрая, рожать будет легко, и грудь хорошая, не маленькая, но и не слишком большая, молока будет много. В глаза Николеньке заглядывает, каждое его слово ловит – будет покорной и послушной женой. Убирается быстро и чисто, лежачим больным помогает ловко и споро, переодевает их, белье постельное меняет, значит, по хозяйству будет все успевать, у нее в руках все горит. Раненых, которые еще плохо ходят, буквально на себе таскает, значит, сильная, уставать не будет. Одним словом, отличная жена для Николеньки, будет его слушаться, любить, холить и лелеять. И Анна Серафимовна сделала все от нее зависящее, чтобы сын наконец открыл глаза и обратил внимание на красавицу Зиночку.

Николай поправлялся медленно, ранение было тяжелым, и времени у Зины было хоть отбавляй, на все хватит. Анна Серафимовна перестала ежедневно приходить в госпиталь только тогда, когда твердо уверилась: у них все случилось. Она набралась терпения, дождалась первых признаков беременности у Зины, настояла на немедленной регистрации брака, тут же забрала невестку из дома и поселила вместе с собой, а когда Николай наконец выздоровел, они все вместе вернулись в Москву. Последствия ранения не позволили Головину продолжать войну на фронте, и как он ни бился, в какие двери ни стучался, ответ был один: ваше состояние здоровья не позволяет принимать участие в боевых действиях. А вот работать в милиции и воевать с бандитами состояние здоровья очень даже позволяло, и Николай Головин получил приказ продолжать служить Отечеству на другом поприще.

В 1944 году родилась первая девочка, Тамара, Томочка, спустя два года – вторая, Любаша. Головин мечтал о многодетной семье, он хотел иметь четверых, а то и пятерых, трое из которых были бы непременно сыновьями, и Зина не возражала, она любила детей, беременности переносила легко, но во время войны им казалось, что вот настанет мир – и жизнь будет легкой и чудесной, и можно будет каждый день радоваться, что войны больше нет, и важнее и сильнее этой радости ничего никогда не будет, и можно будет спокойно рожать сколько угодно детей, а оказалось, что жизнь после войны тяжелая, голодная и нищая, и хорошо бы им хотя бы с двумя дочерьми справиться. Жаль, конечно, что сына не получилось, но и две девочки – тоже очень хорошо. И достаточно.

* * *

Помахивая авоськой, в которой лежали буханка хлеба и полкило сливочного масла, Люба шла из магазина домой и вспоминала разговор двух теток, стоявших перед ней в очереди. Тетки обсуждали какую-то Надьку, которая теперь вынуждена ходить в платке, потому что неделю назад ее в Москве поймали дружинники и налысо обрили. Любе было интересно, она старалась внимательно прислушиваться, но как следует так и не поняла, за что же лишили волос бедную Надьку. Со слов теток выходило, будто с ней такое сотворили только за то, что она приходила в гостиницу, где во время Фестиваля молодежи и студентов жили иностранцы. Этого Люба понять не могла, как ни силилась, и решила спросить у Тамары: Тома обязательно должна знать и все объяснить, когда шел фестиваль, она несколько раз уезжала с дачи в Москву посмотреть, как она сама выразилась, «какие головы носят за границей». Про головы – это не эвфемизм, не случайная оговорка, Тамара интересуется прическами и

собирается стать парикмахером, она все время рисует в своем альбоме женские и мужские головы с по-разному постриженными и уложенными волосами, а когда девочки ходят в кино на заграничные картины, она за сюжетом вообще не следит, только и смотрит, кто да как причесан. Тома непременно должна знать, за что же так сурово обходятся с женскими волосами. Или с мужскими тоже? Вот интересно, а парни ходили в эти самые гостиницы? И если ходили, то их что, тоже налысо брили? В общем, все это надо будет спросить у Тамары, только тут главное – правильно выбрать момент, чтобы рядом никого не было, ни Бабани, ни мамы с папой. Когда Тома сказала, что хочет поехать в Москву во время фестиваля, чтобы посмотреть на иностранцев, папа страшно ругался и кричал, чтобы девчонки не смели даже думать об этом, чтобы в столицу – ни ногой, потому что с этим фестивалем там один только блуд и порок. Люба тогда не очень поняла, что такое блуд и порок, наверное, это что-то заразное, чем болеют иностранцы, но одно уяснила твердо: папа ехать не разрешает. Ей, конечно, очень хотелось поехать, но раз нельзя – значит, нельзя. Тамаре же на отцовские запреты было наплевать, она сказала, что едет в библиотеку, взяла книги и отправилась на электричку. От Бабани это скрыть, конечно, не удалось, да Тамара и не пыталась, она точно знала, что бабушка отцу ни слова не скажет, сердить и расстраивать не захочет. Анна Серафимовна неодобрительно покачала головой, но внучку отпустила, попросив быть осторожной и внимательной. Тамара ездила «смотреть на иностранцев» целых три раза и каждый раз возвращалась взбудораженной, немедленно хваталась за свой альбом и рисовала, рисовала... Люба эти рисунки видела и не переставала удивляться забавным «конским хвостам», подкрученным концам волос и большим темным очкам почему-то в белой оправе. Тамара и одежду рисовала, и была эта одежда какой-то совершенно необыкновенной, ничуть не похожей на цветастые или в горошек отрезные крепдешинные платица, к которым так привык Любин глаз. Для Любы идеалом в манере одеваться была мама Зина – большая модница, уделявшая своим нарядам огромное внимание. У Зины была даже своя портниха, шившая ей платья самых модных фасонов. Платья всегда были очень сложного покроя и обязательно подчеркивали Зинину стройную талию. То это было платье со съёмным воротником-шалькой с выстроченными под ним защипами, которое плотно облегалo фигуру и дополнялось тонким кожаным ремешком, то очень красивое платье из тонкой шерсти с плиссированной вставкой спереди и широкой юбкой чуть ниже колена, да много было нарядов у Зины, и из штапеля, и из крепдешина, и из шерсти, и из бархата, и все они казались Любе пределом совершенства. Она мечтала поскорее вырасти и наряжаться, как мама. А вот то, во что были одеты иностранцы, совсем на мамины платья не похоже. В Тамарином альбоме Люба видела необыкновенные длинные балахоны, и цветные, и совершенно белые, и просто

куски ткани, плотно обернутые вокруг тела, и квадратные накидки на плечи, и широкополые шляпы, и смешные маленькие круглые шапочки с длинными остроносими козырьками, и узкие синие брюки, про которые сестра говорила, что они называются «джинсы». Самое удивительное для Любы было то, что Тамара рисовала женщин в брючках: неужели они так и ходили по улице? Ведь в журнале «Работница», который регулярно приносит домой мама, прямо так и написано: брюки женщина может носить только на производстве или во время занятий спортом.

До дома оставалась всего одна улица, и Люба, привыкшая все делать загодя и ко всему готовиться заранее, начала в уме составлять вопросы Тамаре. Спросить нужно было так, чтобы смысл вопроса был понятен сразу, и сам вопрос должен быть сформулирован как можно короче, чтобы у Томки хватило терпения его выслушать. Старшая сестра терпеть не могла, когда Люба мямлит и, по выражению Тамары, теряет зря время, она в таких случаях могла не дослушать, развернуться и уйти. Погруженная в лингвистические изыскания, девочка не сразу заметила симпатичного черноволосого паренька, одного из тех, что приходил с компанией на озеро, уже было мимо прошла – и остановилась, уловив в общей картине нечто неправильное. Мальчик стоял у калитки по ту сторону забора, на участке, и трясущимися руками пытался вытащить крючок из петли. Лицо у него было такое, что Люба сразу поняла: что-то случилось. Что-то напугало его так сильно, что он не в состоянии выполнить такую простейшую операцию, как открывание калитки.

– Тебе помочь? – Люба подошла поближе, перегнулась, встав на цыпочки, через невысокую ограду и ловко скинула крючок.

– Спасибо, – пробормотал мальчик, выскочил на улицу и внезапно остановился, глядя на Любу безумными глазами.

– Что у тебя случилось? – сочувственно спросила девочка. – Чего ты такой взъерошенный?

– Папе плохо с сердцем, – выпалил паренек. – Надо, наверное, в больницу бежать за врачом, да?

Последнее, что сделала Люба, прежде чем включиться в ситуацию, – удивилась, что такой взрослый и красивый мальчик, кажется, спрашивает у нее совета.

Неужели она, «дурища и бестолочь», может знать что-то такое, о чем не знает этот парнишка «из избранных»? Но в следующее мгновение она думала уже совершенно о другом.

- У вас дома есть телефон?

- Есть. Но я не знаю, как в больницу звонить. Ты знаешь, где тут больница? Дорогу покажешь?

- Пошли. - Люба решительно потянула его за руку и подтолкнула в сторону дома. - Сейчас «Скорую помощь» вызовем, телефон «ноль-три», его даже младенцы знают. Сколько лет твоему папе?

- Пятьдесят семь, а что? Это важно?

- Конечно, они же спросят, - со знанием дела ответила Люба. Ей уже приходилось два раза вызывать «Скорую» для Бабани и один раз для мамы, когда у той был аппендицит, и Люба очень хорошо помнила, какие вопросы задают по телефону. - Спиртное употреблял?

- Когда? Вообще? - не понял мальчик.

- Нет, вчера или сегодня.

- Нет, мой папа совсем не пьет. Ну, может, когда-то, в молодости...

- Про это не нужно, - оборвала его Люба. - Раньше сердцем болел?

- Да, у него это давно, он и в больнице лежал.

- Какой диагноз? Фамилия, имя, отчество твоего папы? Какая у вас улица, номер дома?

Люба, продолжая допрос, быстро дошла до крыльца, крепко держа мальчика за руку, взлетела по ступенькам, толкнула занавешенную серым от пыли тюлем стеклянную дверь и буквально ворвалась в дом.

- Где твой папа? Показывай, - потребовала она.

Мальчик молча открыл дверь в комнату, где за огромным письменным столом сидел, откинувшись в кресле, немолодой мужчина, держался за сердце, тяжело дышал и постанывал. Здесь же, на столе, стоял и телефон. Люба решительно сорвала трубку, набрала короткий номер и попросила прислать доктора к Романову Евгению Христофоровичу, пятидесяти семи лет, на улицу Щорса, дом 12. Диспетчер задала ей все те вопросы, ответы на которые у нее уже были, и сказала, что бригада сейчас приедет.

- Давай уложим его, - приказала она. - Помоги ему подняться, мы его с двух сторон подхватим.

- Куда уложим? - Парень выглядел совсем растерянным и, по-видимому, соображал не очень хорошо.

- Куда-куда, куда-нибудь. Ну вот хоть на этот диван. И подушку принеси.

- Не надо, - слабым голосом произнес Евгений Христофорович, открыв глаза, - я сам, вы не справитесь. Я лучше тут посижу.

- Еще чего, - Люба и не заметила, как заговорила в точности словами своей старшей сестры и даже с ее интонациями, - даже и не спорьте. Давайте мы вам поможем, только тихонько, тихонько, вот так, вот молодец, - приговаривала она, подставляя плечико и обхватывая мужчину за пояс, - и медленно, медленно, по одному шажочку идем к диванчику, вот молодец, вот умница.

Вдвоем они уложили больного, подсунули под голову подушку, накрыли тонким одеялом.

- И правда, так полегче, - побормотал Евгений Христофорович. - Спасибо тебе, девочка.

- Рано еще «спасибо» говорить, - Люба как-то незаметно вошла в роль строгой медсестры, - вот сейчас доктор приедет, послушает вас, посмотрит, укольчик сделает - и будете как новенький. Вы только не бойтесь ничего, мы тут рядом, сейчас я вам чайку горячего сладкого сделаю.

Навещая бабушку в больнице, куда ее забирала «Скорая», Люба наслушалась в палате разговоров о том, что во время сердечного приступа больного охватывает страх, и, если дать этому страху разгуляться, он будет плохо действовать на сердце и приступ станет еще сильнее, поэтому самое главное в этом случае – сделать так, чтобы человек не боялся.

– Не надо, не беспокойся, я просто так полежу, доктора дождусь.

– Я не беспокоюсь, я делаю то, что положено, – строго произнесла Люба. – А вы лежите спокойно, и самое главное – ничего не бойтесь.

Евгений Христофорович прикрыл глаза, и Любе показалось, что он стал дышать чуть легче, чуть ровнее.

– Показывай, где у вас тут кухня, где чайник, вода, заварка, сахар, – потребовала она у мальчика. – Кстати, тебя как зовут? Меня – Люба.

– А я – Родик.

– У вас валидол есть?

– Не знаю, – растерянно ответил Родик. – У папы есть какие-то лекарства, но я не знаю, какие они и где лежат.

– Так походи и спроси, а я пока чай сделаю. Найди валидол и дай папе одну таблетку под язык.

– Хорошо, – послушно ответил паренек, и Люба, немного успокоившаяся и вновь обретшая способность воспринимать окружающее, еще раз удивилась, что этот взрослый красивый мальчик беспрекословно слушается ее, такую маленькую и глупую «бестолочь».

«Скорая» приехала через пятнадцать минут, врач – пожилая полная женщина – увидела двух подростков, бросила быстрый цепкий взгляд на таблетки валидола и стакан с горячим чаем и одобрительно улыбнулась.

– Вот и молодцы, правильно все сделали. А вы, больной, – она взяла Евгения Христофоровича за руку и стала считать пульс, – успокойтесь, у вас аритмия, ничего страшного, с такими ребятами вам вообще бояться нечего, они небось все не хуже врачей знают и отлично за вами ухаживают. Сейчас сделаем укол – и через пять минут все пройдет. Вы, ребятки, выйдите пока, если шприцов боитесь.

– Ничего я не боюсь, – с вызовом ответила Люба, – я останусь.

Она заметила, как побледнел Родик, и шепнула ему:

– Ты лучше выйди, твоему папе неприятно, наверное, будет, если ты будешь смотреть.

Родик кивнул и молча вышел из комнаты. Люба точно знала, что укол Евгению Христофоровичу будут делать в руку – она видела, как делали уколы «от сердца» Бабане, но непонятно каким, шестым ли, десятым ли, чувством угадала, что Родик этого не знает, и можно сделать вид, что укол будут делать в попу, а какому же отцу приятно, когда сын это видит? Пусть парень выйдет под благовидным предлогом, а вовсе не потому, что боится одного вида шприца с иглой. А он совершенно точно боится – вон как побледнел весь! Впрочем, все эти сложные соображения были одиннадцатилетней Любе Головиной на самом деле неведомы, она поступила чисто интуитивно, и спроси ее – объяснить свой поступок не смогла бы.

Укол подействовал, отцу Родика стало лучше, и доктор собралась уезжать. Люба и Родик вышли проводить ее до машины.

– Ну, ребята, еще раз повторяю: молодцы! – широко улыбнулась врач. – Все правильно сделали, и не растерялись, «Скорую» сразу же вызвали, и валидол дали, и чай горячий. Всем бы в дом таких умелых и храбрых ребят – нам бы работы меньше было. А то, бывает, приедешь на вызов – все ревут, мечутся бестолково, больного только зазря пугают, а самого элементарного никто не сделает. Счастливо вам, отца берегите.

Они вернулись в дом и подошли к Евгению Христофоровичу. Тот дремал, дыхание ровное, лицо порозовело. Ребята на цыпочках вышли из комнаты, и тут Люба, переставшая волноваться за больного, начала видеть дом совсем другими

глазами – глазами маленькой хозяйки. Да, похоже, мама Родика – это не Бабаня. Занавески серые, пол уж дня два как не мыт, а то и все три, да и на кухне порядка маловато. Люба вспомнила, что, пока готовила чай, успела отметить не только «непорядок», но и отсутствие кастрюль и сковородок с едой. А время-то близится к обеду...

– У вас обед есть? – спросила она.

– Не знаю, – пожал плечами Родик. – Надо посмотреть. Мы с папой на обед макароны варим или картошку.

– А на ужин что?

– Не знаю. Мама что-нибудь привезет из города, приготовит.

– И не стыдно тебе? – набросилась на него Люба. – Мама целый день на работе, потом по магазинам бегаешь за продуктами, потом на электричке и на автобусе сюда едешь, а ее дома даже ужин не ждет, ей самой для вас готовить приходится. Это не дело. Иди посиди с папой полчаса, я скоро вернусь.

– Зачем с ним сидеть? Он же спит.

– Все равно посиди. Он проснется и пусть видит тебя рядом. Ты что, не понимаешь? Это же сердце, а не нога какая-нибудь. Если вдруг что – звони «ноль-три», снова врача вызывай.

– А что, ему опять может быть плохо? – встревоженно спросил Родик.

– Ну это я так, на всякий случай, чтобы ты был спокойнее.

Люба побежала домой, но с полпути вернулась – забыла в доме Романовых свою авоську с хлебом и маслом.

– Что так долго? – напустилась на Любу Анна Серафимовна. – Куда ты потерялась? Обедать пора, все готово, мы с Тamarой тебя ждем, а ты где-то носишься.

Люба коротко объяснила бабушке, где была и почему задержалась.

– Я не буду обедать, ладно, Бабаня? Мне нужно Родику помочь, он там один с больным папой, и у них даже еды нет никакой.

Люба готовилась к тому, что бабушка станет ругаться и не пустит ее к Родику, но Анна Серафимовна мягко улыбнулась:

– Конечно, беги, Любаша, мальчику надо помочь. Погоди-ка, возьми чистую кастрюльку, я тебе жаркого положу, там разогреешь, и вот еще пирог возьми с яблоками, только что из духовки, и баночку малосольных огурчиков. Неси сюда большую сумку, я тебе сейчас все упакую.

Когда Люба вернулась к Романовым, Евгений Христофорович уже не спал и о чем-то беседовал с сыном.

– Боже мой, деточка, ну что ты так с нами возишься? Мне прямо неловко, столько беспокойства...

– Никакого беспокойства, – весело отозвалась Люба, выгружая из сумки продукты. – Сейчас будем обедать, потом я сбегаю в магазин, куплю все, что нужно, и приготовлю ужин. Ваша жена вернется с работы – а у нас уже все готово. И приберусь немножко.

– Вот это уже совсем лишнее, – запротестовал хозяин.

– Ничего не лишнее. Когда в доме больной – кругом должна быть стерильная чистота, – уверенно изрекла Люба один из Бабаниных постулатов.

Она быстро разогрела жаркое, порезала красивыми тонкими овальчиками (как Бабаня учила) малосольные огурцы, на десерт подала чай с яблочным пирогом и очень огорчалась, что не может накрыть стол так же красиво, как это делалось дома: ни одной белоснежной скатерти у Романовых не обнаружилось, да и тарелки были сплошь разнокалиберными. Евгений Христофорович еще немного посопротивлялся, но в конце концов дал ей деньги на продукты, Люба сбежала в магазин, а также на автобусную остановку к совхозу, где местные бабульки торговали овощами и ягодами со своих огородов, притащила полную сумку

снеди, и к шести часам вечера дом наполнился запахом котлет, жареной картошки и компота из малины, смородины и крыжовника. Когда вернулась из Москвы мама Родика, Клара Степановна, ее встретил дом с чистыми полами и накрытым столом.

- Господи! - ахнула она, едва переступив порог. - Как же это? Что происходит?

- Это Любочка, - с радостной улыбкой объявил вполне оправившийся Евгений Христофорович. - Наш ангел-хранитель. Знакомьтесь.

Они долго сидели за столом, подробно рассказывая перепуганной Кларе Степановне про сердечный приступ, про приезд «Скорой», про то, как Родик сидел с отцом, а Люба бегала за покупками и готовила еду. Потом девочка спохватилась, что уже поздно и надо возвращаться домой.

- Родик, проводи Любу, - сказала Клара Степановна.

- Да что вы, - засмушалась та, - не нужно, я сама дойду, тут же рядом совсем, у нас дача на соседней улице.

- Надо, - твердо произнесла мать Родика, и отец тут же подхватил:

- Конечно, надо, Родик обязательно тебя проводит.

Они вдвоем вышли из дома, и Люба чувствовала, как отчаянно колотится ее сердечко: впервые в жизни мальчик провожал ее вечером домой, да не какой-то там одноклассник, а взрослый парень, да еще такой красивый. Она совсем не знала, о чем разговаривать по дороге и надо ли разговаривать вообще, может быть, следует идти молча?

- Ты, наверное, врачом станешь, - неожиданно произнес Родик.

- Почему? - удивилась Люба.

Она еще не задумывалась всерьез о будущей профессии, может, инженером будет или учительницей, но о том, чтобы стать врачом, мыслей не было.

- Ты такая решительная, серьезная, даже доктор тебя похвалила. И о больных умеешь заботиться.

- Это меня бабушка научила, - засмушалась Люба. - У нее тоже сердечные приступы бывают, я и запомнила, как и что надо делать. А сколько тебе лет?

- Тринадцать, а тебе?

Надо же, он ровесник Тамары! Почему-то Любе казалось, что он гораздо старше. Но раз он ровесник Томи, то тоже, конечно, очень взрослый, как и сестра, и, наверное, такой же умный.

- Мне одиннадцать. А я думала, тебе лет пятнадцать или даже шестнадцать, - призналась она.

- Это потому, что я высокий, как папа. Мне всегда из-за роста больше лет дают.

- А Родик - это Родион?

- Родислав.

- Как?!

- Родислав, - терпеливо повторил Родик. - Смеяться будешь?

- Почему смеяться? - растерялась Люба.

- А все смеются. Имя необычное.

- Правда, необычное, - согласилась она. - Это твоя мама придумала?

- Папа. И не придумал вовсе, это старинное русское имя.

- А твой папа - он кто? Ученый?

- Ну да, он филолог. Занимается русской литературой восемнадцатого века. Это называется русский классицизм. Радищев, Державин, Кантемир, Сумароков – слышала про таких?

- Нет, мы в школе их не проходили.

Люба еще много чего хотела спросить у Родика, но ее дача почему-то оказалась совсем близко, даже ближе, чем была днем, когда она бегала предупредить Бабаню, что не будет обедать.

- Здесь мы живем, – грустно сказала она и вежливо добавила: – Спасибо, что проводил.

- Люба...

- Что? – встрепенулась она.

- Я хотел сказать... Ну, в общем, ты молодец. Спасибо тебе.

- Да не за что, – смутилась Люба, – я ничего особенного не сделала.

- Нет, ты не понимаешь... Ты не испугалась, не растерялась, не бросила меня в беде. Мне самому противно, что я оказался таким... Ну, ты помнишь, я от страха даже крючок на калитке открыть не смог. И укола я испугался. Мне ужасно стыдно в этом признаваться, получается, что я слабак какой-то...

- Ничего ты не слабак, – горячо заговорила она. – Просто ты очень любишь своего папу, и это очень хорошо. Если бы с моим папой такое случилось, я бы тоже растерялась, мне бабушка объясняла, что когда несчастье происходит с твоими близкими, то это гораздо страшнее, чем когда с неблизкими... вот... И еще она говорила, что не зря существует поговорка: «Чужую беду руками разведу, а со своей не справлюсь». Твой папа для тебя самый близкий человек, поэтому ты испугался и растерялся, а я же его совсем не знаю, он мне никто, вот я и не растерялась. Если бы такое с моим папой было, а ты бы мимо проходил, ты тоже не растерялся бы и помог мне, а я стояла бы как колода и ревела от страха. Честное слово, так и было бы.

- Думаешь? – с сомнением произнес Родик.

- Точно тебе говорю. Тебе не должно быть стыдно. Нельзя стыдиться того, что любишь своих родителей.

- Ну ладно, – с явным облегчением сказал он. – Но ты все равно молодец. Ну что, пока?

- Пока.

Он помахал Любе рукой, повернулся и ушел.

* * *

- Нет, ты видишь, ты видишь, что она творит, эта شماкодявка! – восхищенно ахал Камень. – И откуда что берется, а? Ну ты мне скажи, где она таких слов-то набралась в свои одиннадцать лет? Откуда такие мысли в ее головенке? Я бы еще понимал, если б ей лет тридцать было, а то – одиннадцать! Да курам на смех!

- Бабкино воспитание, – деловито объяснил Ворон, ужасно довольный тем обстоятельством, что его рассказ явно понравился Камню, который, совершенно очевидно, всерьез заинтересовался Любой. – Бабка с молодых ногтей исподволь внушала обеим внучкам: если хочешь, чтобы люди тебя любили и дорожили общением с тобой, надо обязательно говорить им то, что они хотят услышать. Тамарке-то эти уроки впрок не пошли, она своим умишком живет, чужую науку не уважает, а Любка, видать, впитала.

- Впитала, ох, впитала, – согласно повторил за другом Камень. – Но у нее какая-то потрясающая интуиция. Хоть режь меня – не поверю, что и с уколом, и с этим последним разговором у нее были четкие соображения, логика какая-нибудь. Ничего она не соображала, мала еще для таких соображений-то, тут интуиция сработала, мощнейшая интуиция. Этого никаким воспитанием не достигнешь, это должно быть от природы.

- От прадеда, от Серафима Силыча. Он среди своих соратников по купецкому делу зело нюхом выделялся.

– Чем-чем?

– Деловым чутьем, вот чем. Всегда точно угадывал, что купить и как продать, ни разу в жизни в проигрыше не оказался. А с ценными бумагами что творил – это ж уму непостижимо! Все еще покупают, а он уже продает втихаря и в ус посмеивается, а потом – хоп! – и все рухнуло, все прогорели, один Серафим Силыч при деньгах остался, да еще и с прибылью. И у внука его, Николая Дмитриевича, Любкиного папаши, чутье есть, его бандиты знаешь как боятся? Он их насквозь видит, будто мысли читает. Так что у Любки это наследственное.

– А у Тамары как с этим делом?

– Ой, – Ворон безнадежно махнул крылом, – у этого заморыша вообще никак. Никакой интуиции и в помине нету. Она другим берет.

– Чем же, интересно?

– А у нее глаз вострый. Любка-то, она ж слепая, как курица в сумерках, глазами ничего не замечает, зато умом понимает и сердцем чует, а Томка, наоборот, сердцем холодная, а глаз цепкий, все видит, все подмечает, любую детальку, каждую мелочишку.

Камень вздохнул и о чем-то задумался. Ворон нетерпеливо переминался на мшистой Каменной макушке, ожидая, когда же тот спросит про семью Родика. На сей раз Ворон был к отчету готов, но Камень отчего-то не спрашивал.

– Ну, что ты молчишь-то? – раздраженно спросил Ворон. – Мне лететь дальше смотреть или еще что-нибудь спросишь?

– Да я вот все думаю про мальчика этого, про Родислава, – Камень снова вздохнул. – Что он за человек? Так откровенно разговаривать с девчонкой, которую едва знаешь, да еще и младше себя... Нормальные мальчишки так себя не ведут.

– Много ты знаешь нормальных мальчишек! Только тех, про которых я тебе рассказывал, – Ворон и тут не утерпел, не удержался от того, чтобышний раз напомнить, мол, я – твои глаза и уши, и ты без меня никуда. – А вот ты меня

спроси, я тебе и объясню, что к чему.

- Объясни.

- Значит, так, - Ворон приосанился и приготовился давать подробные пояснения. - У мальчика Родика две основные черты характера, которые были видны с самого раннего детства. Я специально лазил туда, где пораньше, знал, что ты спросишь. Первая особенность: он не умеет просчитывать даже на один шаг вперед. Я только не очень понял: он именно не умеет или умеет, но не считает нужным? Но факт есть факт - он ничего не просчитывает. Вот есть девочка, во-первых, маленькая, младше на целых два года, то есть по его представлениям - совсем мелюзга, от которой в его жизни ничего не зависит и чье мнение для него ничего не значит, и, во-вторых, незнакомая, которую он до этого дня не знал и в упор не видел. Она для него - как тот попутчик в поезде, которому можно рассказать самое сокровенное, потому что на конечной станции они разойдутся и больше никогда не встретятся. А то, что эта девочка живет на соседней улице, и будет жить на ней до конца лета, и на следующий год, и еще на следующий, и будет постоянно попадаться ему навстречу, - об этом он вообще не подумал. Незнакомая, мелкая - значит, можно с ней фасон не держать. И вот тут мы подходим ко второй особенности его характера: он не может долго носить в себе негатив. Ему обязательно нужно выговориться, объясниться, если надо - попросить прощения, признать свою вину, только побыстрее снять конфликт. Конфликтов он совершенно не выносит. Здесь, конечно, конфликта не было, но ему было неприятно, что какая-то мелкая девчонка оказалась сильнее и расторопнее, и единственный способ, которым он мог избавиться от чувства стыда, было вслух об этом заявить. Другого способа он не знает.

- Так другого, наверное, и не существует, - задумчиво изрек Камень. - Мне, например, ничего в голову не приходит.

- Ну, не знаю, не знаю, - Ворон был недоволен тем, что его прервали в таком драматическом месте. - Может, существует другой способ, может, нет, суть не в этом. Главное в том, что ему нужно было выговориться, и Любка оказалась для этого самым подходящим слушателем: маленькая, глупая и чужая. А чего ты меня про его родителей не спрашиваешь? Я как дурак летал незнамо куда...

- Да на войну ты летал, ежу понятно, - усмехнулся Камень.

– Это с чего же тебе понятно? – рассердился Ворон, но внезапно прищурился и повел клювом справа налево и обратно – верный признак того, что он снова вспомнил о своих подозрениях касательно давнего соперника Змея. – Уж не тухлая ли эта сосиска здесь побывала? Что, он тоже там, на войне, чего-то вынюхивал, видел меня и тут же тебе настучал? А ну признавайся, осколок ты недоделанный! Была здесь эта тварь шипящая?

– Не кипятись ты, я тебя умоляю! У тебя чуть что – сразу Змей виноват. Не было его здесь. Просто я сложил два и два. Это у тебя может получиться где-то семь-восемь, а у меня всегда четыре выходит. У нас пятьдесят седьмой год, фестиваль, отмена обязательных сельхозпоставок, верно?

– Ну, – буркнул Ворон.

– Мальчику тринадцать лет, значит, он сорок четвертого года рождения. Куда ж тебе еще было летать, как не на войну? Ты небось года с сорок второго начал смотреть, как там и что, почему его папаша-ученый, ровесник века, только в сорок четыре года ребеночком обзавелся. Прав я или нет?

– Ну, прав, – нехотя признал Ворон. – Я вообще-то хотел с сорок первого начать, но промахнулся маленько, попал в сорок второй, так решил уже не возвращаться. Короче, в сорок втором году Христофорыч этот был в эвакуации в Оренбурге, до войны-то он профессорствовал в университете, вот их всем факультетом в Оренбург и вывезли, кого на фронт не забрали. Его из-за сердца не взяли, да у него и бронь была как у профессора. Он всю жизнь своими Третьяковскими да Фонвизинскими занимался, ничего вокруг не видел и знать не хотел. Студенточки, конечно, вокруг него вились, все ж таки профессор, да еще и холостой, и из себя видный такой, высоченный, глаза горят, когда он про своих писак восемнадцатого века вещает, но он внимания ни на кого не обращал. Были, конечно, какие-то бабешки у него, но все замужние, и ненадолго. Он и жениться-то не рвался, он со своей филологией в законном браке состоял. Ну вот, а в эвакуации его совсем быт заел. В Москве-то у него домработница была, он горя не знал, всегда все начищено, намыто, наготовлено, а в Оренбурге Христофорыч наш лиха хлебнул – будьте-нате! Там же не просто уметь надо, а именно уметь в условиях войны, а это ж совсем другое искусство. Мыла нет, хлеба нет, мяса-рыбы нет, то есть все это есть, но очень мало, микроскопическими дозами, карточная система, про масло и шоколад и речь не идет. Как прокормиться, как еду приготовить, если не знаешь, с какой стороны к керосинке подойти? Как постирать, если мыла – крохотный кусочек на месяц,

едва хватает, чтобы руки помыть? В общем, скис наш Евгений Христофорович, про Михаила Чулкова главу в учебник пишет, а сам грязью зарос и желудком мается. Тут и подвернулась ему секретарша Клара, в университете-то она на другой кафедре работала, он ее и не замечал никогда, она подсуетилась, в комнате прибралась, суп сготовила, травки какие-то от желудка стала ему заваривать, одним словом – туда-сюда, он и понял, наконец, что такое женская рука в доме. Она сильно моложе была, ему сорок два стукнуло, когда они сошлись, ей – двадцать шесть, но ничего, поженились, и он даже вроде счастлив был, приосанился, плечи распрямились, улыбаться начал, а то ведь ходил бирюк бирюком. Значит, поженились они в сорок третьем, а в сорок четвертом, стало быть, Родик родился. Клара в сыне души не чаяла, баловала его изо всех сил. А Христофорыч, по-моему, до сих пор не понял, что у него сынишка растет. Он вообще к детям равнодушен, ему с ними скучно, с ребенком же про Державина и Радищева не поговоришь, а ему больше ни про что не интересно. Папашка сына пока за человека не считает. Ну и мамане, Кларе то есть, с таким мужем скучно стало. Статус замужней дамы она получила, сына родила, а мужа как будто и нет вовсе, какой-то этот Христофорыч не от мира сего. Вот Клара и ушла в сына вся, с головой и потрохами. И самый-то он у нее красивый, и самый умный, и самый любимый, и самый чудесный. Вот такой у нас мальчик Родик и вырос. Ну что, есть у тебя вопросы? Давай задавай, я про них еще много чего знаю, – гордо закончил Ворон экскурс в историю семьи Романовых.

– Пока вроде все ясно. Потом, может, еще что-нибудь спрошу.

Ворону стало обидно. Столько времени потратил на изыскания, а Камень ничего не спрашивает. Вот всегда так: когда не знаешь чего-нибудь, этот каменный бирюк непременно спросит, а когда все знаешь, так ему вроде и не надо ничего. Несправедливо.

– А с этим эпизодом ты закончил? Все рассказал, или еще что-то осталось?

– А на чем я остановился?

– На том, что Люба и Родислав попрощались, и мальчик ушел. Дальше было что-нибудь?

– Да почти все уже. На другой день мамашка, Клара эта, сыну говорит, дескать, девочка потратила на нас целый день, так много для нас сделала, ты должен ее

чем-нибудь отблагодарить. Например, возьми ее с собой на озеро, познакомь с ребятами, пусть она поиграет с вами, искупается, повеселится.

– Ну, а он что?

– А что он? Согласился, конечно, он же маменькин сынок. А дальше я не досмотрел.

– Ну ты даешь, Ворон! – возмутился Камень. – Это же так важно, так интересно! Как же ты не понимаешь? И как ты теперь смотреть будешь? Ты же не попадешь точно в тот день, когда Родик ее к ребятам поведет, а ведь нам обязательно нужно знать, как это было, как ее приняли в компании...

– Чего это я не попаду? – обиделся Ворон. – Очень даже попаду. Я там еловую шишку положил, место отметил. Думаешь, я совсем из ума выжил, что таких элементарных вещей не понимаю? Да я бы сразу и досмотрел, но очень жрать захотелось, а ты меня сам учил, что там нельзя ничего брать, даже мушку поймать нельзя, и носить туда ничего нельзя. Вот и пришлось вернуться, чтобы пообедать. Сейчас мелочь какую-нибудь пузатую склюю на лету и полезу смотреть. И нечего на меня набрасываться почем зря.

– Ладно, извини, – примирительно сказал Камень. – Я погорячился.

* * *

Весь следующий день Люба думала о Родике, вспоминала в деталях все, что произошло, каждое движение, каждое слово, каждый взгляд, и, когда дело доходило до их прощального разговора, щеки отчего-то начинали гореть, а сердце – колотиться. Каким тоном он произнес: «Ты молодец», – мягким, добрым и немного восхищенным. Ни один мальчик так с Любой никогда не разговаривал, а уж с такими чудесными, красивыми и умными, как ее новый знакомый, ей и вовсе общаться не приходилось. Люба все ждала, когда же Тамара оторвется от книжки и спросит ее, что там такое вчера произошло у соседей, тогда можно было бы рассказать все в подробностях и как бы заново пережить, но Тамара занималась своими делами и ни о чем не спрашивала. Зато спросила, конечно же, Бабаня. Но рассказывать Бабане – это совсем не то, что рассказывать сестре. Бабаню Люба все-таки побаивалась и не посмела бы признаться ни в своем

волнении, ни в смущении. Другое дело – Тамара. Люба занималась привычными делами по хозяйству, помогала бабушке и все косилась в сторону веранды, где с книжкой в руках свернулась на топчане калачиком старшая сестра, но Тамара, казалось, не замечала Любиного присутствия не то что в доме – вообще на этом свете.

Девочка резала капусту на начинку для кулебяки, когда послышался голос Тамары:

– Любань! А, Любань!

Ну вот, наконец-то! Тамара закончила читать и сейчас спросит... Люба быстро обтерла руки о фартук и выскочила из кухни на веранду.

– Что, Томочка?

– Тебя тут спрашивают, – ответила сестра, не поднимая головы от книги.

– Кто?

Люба повертела головой и увидела на крыльце Родика. Горло перехватило, и ей пришлось откашляться, прежде чем она смогла поздороваться.

– Привет, – безоблачно улыбнулся Родик. – Ты занята?

– Нет... то есть да... немного... а что?

– Пошли с нами на озеро. Искупаемся, в волейбол поиграем. Ребята картошку взяли, будем печь в костре. Пошли?

Люба растерянно оглянулась на дверь, ведущую в кухню. Отпустит ли Бабаня? Ведь ей надо помочь, одна она не справится. Но пойти так хотелось!

– Иди, Любаша, иди, – бабушка вышла из кухни и приветливо посмотрела на Родика. – Здравствуй, молодой человек. Меня зовут Анной Серафимовной. А вы, наверное, и есть тот самый Родислав?

Родик молча кивнул.

– Спасибо, что забираете Любашу, а то она совсем дома засиделась, у нее в поселке нет друзей, и она скучает. Идите погуляйте и приходите к нам ужинать. Родислав, я вас приглашаю.

– Спасибо, – пробормотал паренек.

Люба пулей метнулась в кухню, скинула фартук, сполоснула руки и выскочила из дома. Надо же, как интересно сбываются мечты! Она так хотела, чтобы ее заметила та черноволосая красивая девочка, главная в поселковой компании, а ее заметил самый лучший, самый умный и красивый мальчик на свете. И сейчас она войдет в тот вождеденный круг избранных и начнет вместе с ними жить настоящей дачной жизнью, наполненной приключениями и радостным весельем.

К озеру они подошли последними, вся компания уже была в сборе. Ребята, разделившись на две команды, играли в волейбол, и еще издали Люба заметила, что та черноволосая девочка играет лучше всех, выше всех прыгает и точнее всех бьет по мячу. При их приближении игра остановилась, все уставились на Любу как на чудо заморское.

– Это Люба с улицы Котовского, – уверенно произнес Родик. – Моя соседка.

– В волейбол играешь? – спросила черноволосая красавица.

Теперь Люба видела ее совсем близко, и оказалось, что девочка старше, чем казалась издали.

– Нет, – смешалась Люба. – То есть плохо.

– Тогда посиди. Родька, становись к нам, – скомандовала девочка. – А то у Андрюхи рука болит.

Родик немедленно встал рядом с ней, а от группы играющих отделился невысокий парнишка и подошел к Любе.

- Пошли в тень, - спокойно сказал он ей, будто старой знакомой. - Мы тут на солнце совсем изжаримся.

Они отошли и уселись на траву в тени раскидистого дерева.

- У тебя правда рука болит? - сочувственно спросила Люба.

- Конечно, правда. С велика навернулся, упал неудачно. А ты откуда? Что-то я тебя раньше не видел.

- С улицы Котовского. А я тебя видела много раз. Я часто сюда прихожу, смотрю, как вы играете.

- Чего ж не подошла? - удивился Андрей.

- Да так... Неудобно. У вас своя компания. Я вам никто.

- Люди все друг другу никто, пока не познакомятся, - изрек он непонятную фразу. - А теперь мы знакомы. Я - Андрей.

- А я - Люба.

- Да я уж слышал, - усмехнулся мальчик. - Ты из Москвы или местная?

- Из Москвы. А ты?

- Тоже. Да мы тут все из Москвы, кроме Алки.

- Алка - это кто? - спросила Люба.

- А вон та, которая всеми командует, в полосатой футболке, - Андрей показал на черноволосую девочку. - Вообще-то она Аэлла, смотри не назови ее Аллой, а то обидится.

- Аэлла? - изумилась Люба. - Первый раз в жизни такое имя слышу.

- Она из Греции, ее отец - греческий коммунист, прогрессивный журналист, сторонник ДАГ, их семья бежала от монархистов и эмигрировала в СССР. Они здесь, в поселке, постоянно живут.

Люба почти ничего не поняла из его слов, кроме того, что девочку зовут как-то удивительно, что она живет здесь постоянно и обижается, если назвать ее неправильным именем. Кто такие греческие коммунисты, кто такие монархисты и сторонники таинственного ДАГа и почему надо было эмигрировать? Кстати, что такое эмигрировать, она тоже не очень поняла, но догадалась, что это вроде как уехать или сбежать.

- У вас дача своя или снимаете? - спросил мальчик.

- Снимаем. А у вас своя, да?

Люба почувствовала себя неуютно, словно ее уличили в том, что она не такая, как все: у всех свои дачи, а у нее - нет. А вдруг ее из-за этого не примут в компанию?

- Да ты что, у моих родителей дачи сроду не было! - рассмеялся Андрей. - Я с Сашкой приехал, мы с ним в одном классе учимся, вот его родители и берут меня на лето сюда. Сашка - вон тот, который сейчас подает. Родьку давно знаешь?

Люба снова испугалась: вот сейчас она скажет, что только вчера познакомилась с Родиком, и ее не возьмут играть и сидеть у костра. Вдруг им не нужны такие, с которыми мало знакомы? Но солгать она побоялась.

- Со вчерашнего дня, - коротко ответила она.

- Тогда понятно, - кивнул Андрей, - а то я смотрю, он тебя раньше не приводил. Ты что, правда в волейбол не играешь?

- Я плохо умею, - призналась девочка.

В школе на уроках физкультуры они, разумеется, играли и в волейбол, и в баскетбол, и у Любы даже неплохо получалось, но, глядя на этих ребят и особенно на Аэлла, она понимала, что с ними ей не тягаться, лучше и не

пробовать.

- А плавать умеешь?

- Конечно, - Люба радостно улыбнулась.

Уж в чем в чем, а в плавании она многим фору даст, тут она была спокойна.

- А в шахматы играть?

- Ну... меня папа учил.

- Лады, завтра принесу доску, сыграем.

У Любы даже дыхание перехватило: завтра! Значит, ее и завтра позовут сюда, значит, ее пока никто не выгоняет за то, что она не умеет играть в волейбол. Да, но... Главная здесь - Аэлла, та красивая черненькая девочка, а она пока своего слова не сказала. Или, может быть, все не так и главный здесь Андрей?

- Ты сказал, Аэлла не любит, когда ее неправильно называют, - осторожно заметила она. - А ты ее Алкой называешь. Значит, никому нельзя, а тебе можно?

- Мне тоже нельзя, но я на это плюю, - спокойно заявил мальчик.

- Как это?

- А молча. Плюю - и все. Мало ли что ей не нравится. А мне удобнее ее Алкой называть.

- Она, наверное, обижается.

- Она не обижается, а сердится, - поправил ее Андрей. - Да мне-то что? Посердится и перестанет. Кто ее боится, тот пусть называет, как ей нравится.

- А ты, значит, не боишься? - улыбнулась Люба.

- Не-а, - Андрей беззаботно тряхнул головой.

- Почему?

- Я вообще никого не боюсь. А чего людей бояться? Ну, я понимаю, медведей там бояться или волков в лесу, они ж дурные, нападут, загрызут, а людей чего бояться? Что они мне сделают? Не убьют же. Если могут убить - тогда, конечно, страшно, а так...

- А вдруг она с тобой из-за этого поссорится?

- Кто? Алка? Да и пусть ссорится, жалко, что ли? Как поссорится, так и помирится. Она со мной почти каждый день ссорится. Эка невидаль.

Этого Люба понять не могла и умолкла. Для нее самой любая ссора превращалась в страшную трагедию, она переживала, плакала и думала, что жизнь кончилась и уже ничего хорошего не будет. С мамой и Бабаней она вообще никогда не ссорилась, была послушной и вежливой, а вот с сестрой Тamarой - случалось, и с подружками по школе и по двору тоже, и воспоминания об этом были тяжкими. Люба готова была уступить всем и во всем, только бы не ссориться. И конечно же, эту красивую девочку, которая лучше всех играет в волейбол и звонче всех смеется, она будет называть только так, как той нравится, - Аэллоу.

Игра закончилась, ребята бережно уложили мяч под куст и стали сбрасывать с себя штаны, футболки и платья.

- Андрюха, - раздался громкий крик Аэллы, - бери новенькую и айда купаться!

Люба вскочила на ноги и мысленно порадовалась тому, что с утра, собирая смородину, надела купальник, а потом поленилась его снять и просто накинула платьице сверху. Как знала, что пригодится! Она бежала к озеру и видела, как впереди всех вдвоем в воду входят Родик и Аэлла, и Родик даже не оглянулся на нее. Стало немного обидно. И Андрей тоже как будто забыл, что они только что сидели рядышком и разговаривали, быстро разделся и помчался к воде. Люба вроде и в компании, а вроде и опять одна... Глотая слезы, она ступила в прохладную воду и быстро окунулась, потом поплыла, не видя ничего вокруг. «Ну и что, - твердила она себе в такт мощным гребкам, - ну и пусть, зато

искупаюсь, зато я теперь знаю не только Родика, но и Аэлла, и Андрея, и если встречу их на улице, могу поздороваться и даже заговорить, а там уж как-нибудь сложится. Ну и пусть меня не замечают. Наверное, я и в самом деле какая-то не такая, как они, может, я глупая, или некрасивая, или маленькая. Хотя я видела, там были ребята и младше меня. Ну и что, ну и пусть...»

Она вынырнула из воды, вышла на отмель и принялась отжимать мокрую косу, которая стала тяжеленной и тянула голову назад.

– Классно плаваешь, – одобрительно сказала Аэлла, которая, прищурившись, внимательно наблюдала за Любой. – Училась где-нибудь?

– В бассейн ходила, в секцию.

Люба отчего-то постеснялась сказать, что в секцию плавания ходила с шести лет и даже сдала норматив на юношеский разряд. Правда, она уже целый год не занимается – в школе стали задавать больше уроков, и папа сказал, что плавание – это не профессия и нечего тратить на него время, пусть Люба лучше за учебниками лишний час посидит. Любе было жаль бросать секцию, ей нравилось плавать и нравились ребята, с которыми она вместе занималась, но папа же сказал – значит, так и должно быть, так и правильно. Папа лучше знает, как надо.

Она оглянулась, ища глазами Родика: видел ли он, как сама Аэлла ее похвалила? Но Родик ничего не видел, он стоял к ней спиной и о чем-то оживленно разговаривал с Андреем.

– Еще что умеешь? – продолжала допрашивать ее Аэлла.

– Не знаю, – растерялась Люба. – А что нужно уметь?

Она снова испугалась: если она так мало умеет, то ее, наверное, не примут в эту чудесную компанию. Подумаешь, всего-навсего плавать хорошо! Этого мало, чтобы заслужить право находиться среди ребят.

– Ну, я, например, греческий язык знаю, – высокомерно произнесла Аэлла, – Андрюха в шахматы лучше всех играет, Танька на скрипке может, она в

музыкальной школе учиться, Сашка лобзиком выпиливает и по дереву выжигает, он мне даже целую картину подарил. А ты?

– А я умею пироги печь с чем угодно, вкусные, – неожиданно выпалила Люба и тут же залилась краской.

Ну что она за дура такая! При чем тут пироги? Да любая девчонка наверняка умеет их печь не хуже Любы. Нашла чем удивить. Права Тамара, дурища она.

– Слышали?! – весело закричала Аэлла. – Новенькая умеет пироги печь! Говорит, что вкусные! Проверим?

– А то! Проверим! А как же! – раздалось с разных сторон.

Родик наконец обернулся и ободряюще улыбнулся Любе.

– Решено, завтра новенькая... как там тебя?

– Люба, – сдавленно пробормотала Люба.

– Ага, Люба завтра нам приносит пироги, пойдем в лес, на нашу поляну, разведем костер и будем пироги трескать.

– Мы же сегодня хотели костер, – жалобно проныла девочка с огненно-рыжими волосами.

– Ничего не отменяется! – объявила Аэлла. – Сегодня у нас костер с картошкой, а завтра будет с пирогами. Картошку принесли?

– Да! – дружно ответили ей.

– Тогда вперед! – скомандовала Аэлла.

Костер разожгли быстро и умело и уселись вокруг в ожидании, когда можно будет закапывать картошку в золу. Люба очень хотела сесть рядом с Родиком, но не получилось, его усадила рядом с собой Аэлла, а с другой стороны к Родиду

подсел Андрей, так что Любе пришлось довольствоваться скромным местом напротив этой троицы, рядом с той самой рыжей девочкой.

– А давайте завтра в лес не пойдем, – предложил кто-то, – если новенькая пироги принесет, то их можно и здесь съесть, на озере.

– С чего это мы не пойдем в лес? – строго спросила Аэлла. – Ты что, боишься, что ли, Борька?

Люба повернулась туда, куда смотрела Аэлла, и увидела вихрастого мальчишку лет девяти с темными перепуганными глазенками.

– Ничего я не боюсь, – дрожащим голосом ответил Боря. – А только все равно страшно. Вдруг она опять придет? Она страшная такая – ужас!

– Ух ты! – весело воскликнула Аэлла. – Ну, признавайтесь, кто еще боится? Сашка, ты боишься? А ты, Танька? А ты, новенькая? Боишься или нет?

– Я не знаю, – робко ответила Люба. – Я часто с бабушкой в лес ходила за грибами и никогда не боялась. А чего надо бояться?

– Так ты не знаешь?! Ой, ребята, она же темная совсем! – закричал мальчик, которого называли Сашкой. – Она про черную старуху не знает! Надо ей рассказать, а то так и будет жить в темноте.

– Танька, давай ты рассказывай, у тебя хорошо получается, – распорядилась Аэлла.

Поднялась хорошенькая белокурая девочка в красивом купальнике, и Люба вдруг совсем некстати подумала о том, что у нее самой купальник самый обычный, ни в какое сравнение не идет с купальником этой Тани. Конечно, разве могут Любу принять в такую компанию, когда здесь такие девочки! Аэлла знает греческий язык, Таня играет на скрипке, эта рыженькая, наверное, тоже какая-нибудь необыкновенная, и все красавицы – одна другой краше! А она, Люба Головина, такая обыкновенная...

– По черному, черному лесу ходит черная, черная старуха, – начала заунывным голосом белокурая Таня. – На голове у нее черные, черные волосы, она одета в черное, черное платье, черные, черные глаза горят страшным огнем, она ищет маленьких мальчиков, хватает их, впивается им в горло черными, черными ногтями...

Байка была длинной и совсем не страшной, и Люба даже успела заскучать. Они с подружками в Москве давно уже такими глупостями не занимались, раньше, конечно, рассказывали, и про черную руку, и про желтую руку, и про гробик на колесиках, и Люба, когда была помладше, всегда вздрагивала и вскрикивала, когда в самый драматический момент после долгой усыпляющее-заунывной присказки рассказчик громко и резко произносил: «Отдай мое сердце!» – или еще что-нибудь соответствующее сюжету. Но это было давно.

– Не понимаю, почему Танька всегда рассказывает, – сердито прошептала рыженькая девочка. – Она же старуху сама не видела, а рассказывает.

– Так ее, наверное, никто и не видел, – осторожно предположила Люба, обрадовавшись, что с ней хоть кто-то заговорил. – Это же просто страшная история, мы в детстве такие часто рассказывали.

– Ты что! – горячо зашептала рыжая. – Борька сам ее видел, он потому и боится в лес ходить. Я тоже боюсь. У нас еще в прошлом году мальчик был, Сеня, так он тоже ее видел. Примчался из леса весь белый, даже говорить неделю не мог. В этом году он не приехал, жалко, а то бы он тебе рассказал.

Люба благодарно улыбнулась соседке и стала прислушиваться с интересом. По Таниному рассказу выходило, что в здешнем лесу, разделяющем их дачный поселок и деревню Мишино, ходит какая-то страшная черная старуха, которая, когда видит мальчика, бросается к нему, кричит: «Павлик! Павлик!» – и тянет к нему руки, пытаясь схватить. Никому из взрослых увидеть эту старуху не удавалось, потому что она прячется и выходит только тогда, когда видит мальчика, притом одного. Ничего подобного Люба никогда не слыхала, Бабаня ни про какую старуху не рассказывала, и Тамара тоже, но, с другой стороны, откуда им знать? Старуха же перед взрослыми не появляется, а Тамара вообще ни с кем в поселке не дружит, так что ей никто из ребят рассказать не мог. Интересно, это правда или нет?

- Ты что, не веришь? - снова раздался шепот рыжей девочки.

- Да я не знаю, - неуверенно ответила Люба.

Она очень боялась ответить «не так», сказать что-нибудь невпопад, из-за чего ее больше не позовут в компанию.

- А ты у Борьки спроси. Борь, Боря, скажи ей, - рыженькая обернулась назад и дернула за руку вихрастого мальчугана, - а то она не верит. Скажи, что ты видел старуху.

- Видел, - дрожащим голосом подтвердил Боря.

Люба хотела расспросить его о подробностях, но в это время сольный номер белокурой Танечки закончился, и пришел черед картошки. Первоначальная рассадка оказалась нарушенной, и рядом с Любой уселся Андрей.

- Ну, как тебе сказка про старуху? - спросил он. - Поверила? Испугалась?

- А что, это правда?

- Да ну, брехня, - он пренебрежительно махнул рукой.

- Ты точно знаешь? - недоверчиво уточнила Люба. - А мне сказали, что Боря ее видел. И еще в прошлом году был один мальчик, Сеня, он тоже видел.

- Ну, кто видел, тот пусть и верит. А я не видел. А чего я своими глазами не видел, тому я не верю, поняла?

- Поняла, - послушно кивнула Люба. - А ты в Америке был?

- Не был. А что?

- Значит, в то, что Америка существует, ты тоже не веришь?

Андрей пытливо посмотрел на нее и одобрительно улыбнулся:

– Молодец, соображаешь хорошо, уела меня. Я фотографии видел, кино про Америку видел. Если бы не видел, не поверил бы. А у тебя мозги есть, завтра с тобой в шахматы сыграем, лады?

Снова услышав про шахматы, Люба не на шутку перепугалась. Ведь Аэлла сказала, что Андрей лучше всех играет! Завтра выяснится, что она – игрок никудышный, и ее выгонят. Лучше сразу признаться, а то позора потом не оберешься.

– Я плохо играю, – честно сказала она, не глядя на Андрея. – Только иногда с папой, но я всегда проигрываю. Тебе со мной неинтересно будет, ты сразу выиграешь.

– А ты уже заранее готова сдаться? – насмешливо спросил Андрей. – Может, твой папа игрок на уровне гроссмейстеров, тогда понятно, что ты у него никогда не выиграешь, а у меня – запросто. Ну что, заматано? Играем?

– Мой папа не гроссмейстер, он в милиции служит.

– Да ну?! – Андрей явно заинтересовался. – Бандитов ловит? Или шпионов?

– Наверное, только бандитов. Про шпионов он никогда не рассказывал.

– А кино про шпионов любишь?

Вообще-то Любе больше нравилось кино про любовь, например, «Сердца четырех», которые она смотрела раз, наверное, десять. Но и про шпионов тоже ничего, интересно, особенно если про пограничников, там почти всегда хоть немножко, но любовь есть.

– «Над Тиссой» смотрела?

– Да.

– А «Заставу в горах»?

– Тоже.

– А «Тень у пирса»?

– Нет.

– Посмотри обязательно, – со знанием дела посоветовал Андрей. – В клубе как раз завтра будут показывать, я афишу видел. Классное кино! Я на него три раза ходил и завтра, наверное, тоже пойду.

Любе в этот момент показалось, что Андрей собирается пригласить ее в кино, и она уже заранее (а она всегда все делала заранее!) испугалась: а вдруг Родик это не понравится? Вдруг он сам собирался позвать ее, а она уже согласилась идти с Андреем? Или, может быть, он позовет ее на костер с пирогами, а ей придется отказаться, потому что она обещала Андрею пойти с ним в кино. Неудобно получится! Тем более пойти с Родиком на костер ей хотелось куда сильнее, чем смотреть кино про шпионов.

Но Андрей и не собирался ее приглашать, и Люба с облегчением перевела дух. Однако следующие его слова поставили девочку в тупик:

– Если завтра сходишь в клуб на «Тень у пирса», мы с тобой его обсудим. С тобой интересно будет обсудить, у тебя мозги работают.

Слышать такое было, конечно, очень приятно, что и говорить. Мало того, что ее похвалили, так еще и ясно дали понять, что не собираются выгонять из компании. Но, с другой стороны, если он собирается обсуждать с ней кинофильм, то его обязательно надо посмотреть, а когда? Завтра ей придется испечь пироги, а то вдруг они не передумают и позовут ее в лес на костер, а пирогов нет, и они будут считать ее пустой болтушкой и глупой хвастунишкой, а Бабаня всегда учила, что попусту болтать и хвастаться нехорошо, дал слово – держи. А вдруг Бабаня в кино не отпустит? А вдруг... И этих «вдруг», появившихся, как всегда, заранее, у Любы в голове возникало все больше и больше, и она совсем растерялась, плохо слушала, что говорил ей Андрей, и отвечала невпопад. К счастью, он, кажется, этого не замечал и увлеченно продолжал что-то говорить ей.

Родик так и не подошел к ней, все время сидел возле Аэллы, пока не собрались расходиться. Солнце катилось к закату, и Люба отчаянно мерзла в одном купальнике, но одеться не решилась – все ребята сидели вокруг костра в том, в чем купались в озере, и почему-то никому не было холодно, только у нее одной мурашки по коже бегали.

Наконец костер погасили, и вся ватага дружно потянулась к тропинке, огибающей озеро. От тропинки отходили улицы, ведущие в разные концы расположенного вокруг озера дачного поселка, по этим улицам и рассыпалась компания. Люба и Родислав пошли вместе, им нужно было в одну сторону.

– Тебя бабушка пригласила к нам на ужин, – робко напомнила Люба Родиду. – Пойдем?

– Наверное, неудобно, – заколебался мальчик.

– Удобно, она же сама пригласила, – горячо заговорила она. – Ну пойдем, Родик.

– Ладно, – согласился тот, – пошли.

Люба сперва обрадовалась, но потом снова начала переживать: а вдруг маме Родик не понравится? А вдруг он не понравится папе? А вдруг несдержанная на язык Тома чем-нибудь обидит его, и он тогда больше никогда не подойдет к Любе, и все закончится, и не будет больше ни новых друзей, ни всей этой веселой компании, ни купания на озере, ни костров? Ей только-только удалось прикоснуться к той самой чудесной, необыкновенной дачной жизни, узнать которую она так мечтала, – и все закончится, едва начавшись. Чем ближе подходили они к дому на улице Котовского, тем сильнее Люба волновалась.

Но все оказалось совсем не страшно, наоборот, просто чудесно! Мамы и папы еще не было, и Бабаня усадила ребят и Тамару ужинать на веранде. Тамара, как обычно, поставила перед тарелкой книжку и ела, не отрываясь от страниц. Вообще-то бабушка всегда ее за это ругала, но сегодня промолчала, и Люба была ей благодарна: в присутствии Родика ей не хотелось семейных конфликтов, даже таких незначительных.

– Родик, а ты смотрел кино «Тень у пирса»? – спросила она.

– Ясное дело, смотрел. А что?

– Жалко, – вздохнула Люба, – а я не смотрела. Хотела завтра сходить, говорят, завтра в клубе его будут показывать. Хорошее кино?

– Хорошее, мне понравилось. Я его уже два раза смотрел. Ты сходи обязательно, тебе понравится.

– Да мне скучно одной...

Тут Тамара совершенно неожиданно подняла глаза и посмотрела на сестру поверх книжки:

– Завтра вместе пойдем, – коротко проинформировала она. – Если хорошее кино, я тоже хочу посмотреть.

Люба опешила. Тамара в Москве ходила в кино постоянно и смотрела все подряд, но только для того, чтобы изучить одежду и прически актеров и потом дома тщательно зарисовать все, что увидела и сумела запомнить. Не было такого кинофильма, который Тамара не видела бы, и уж «Тень у пирса» она тоже наверняка смотрела, ведь если Родик видел эту картину два раза, а Андрей – целых три, значит, она не совсем новая. Как же так? Почему Тома вызвалась пойти с ней? Это на нее совсем не похоже.

– Конечно, девочки, сходите, – оживленно заговорила Анна Серафимовна, – а то вы у меня все дома сидите, света белого не видите. Знаешь, Родик, Люба с Тамарой мне целыми днями по хозяйству помогают, а ведь у них каникулы, надо, чтобы они хоть как-то развлекались, отдыхали. Верно?

И снова Люба чуть не поперхнулась от удивления: это Тамара-то целыми днями по хозяйству помогает? Да она или рисует, или читает, или в Москву в библиотеку ездит. И еще странно, что бабушка вдруг заговорила про отдых и развлечения, раньше она всегда повторяла, что домашнее хозяйство – прекрасный отдых от школы, потому что любой отдых состоит в том, чтобы перестать делать то, от чего ты устал, и заняться чем-нибудь другим. А про развлечения и речи не было. Конечно, Бабаня никогда не возражала, если Люба отпрашивалась в кино, и денег давала на билет и на мороженое, но Люба старалась не злоупотреблять бабушкиной добротой, потому что понимала:

хлопот по дому действительно множество, и кто же поможет Бабане, если не она? Тем более домашние работы Любе нравились, ей нравилось и наводить чистоту, и готовить, и главное – учиться Бабаниным премудростям.

После голубцов со сметаной пришел черед чая с кулебякой – с той самой кулебякой, начинку для которой Люба днем не успела доделать и побежала с Родиком на озеро.

– Кушай, Родик, – ласково приговаривала Анна Серафимовна, – кушай, это Любаша пекла, правда, вкусно?

Люба зарделась и уткнулась в свою чашку. Ну зачем Бабаня так ее нахваливает? Ведь это же неправда, что Люба пекла кулебяку, она только тесто успела сделать и половину капусты для начинки нарезать, а уж все остальное делала бабушка – тушила капусту с луком и яйцами, раскатывала тесто, смазывала его маслом и – самое главное – не упустила момент, когда кулебяку пора было вытаскивать из духовки. Люба этот момент всегда боялась упустить и пока училась – столько раз не угадывала, то раньше вытащит, то запоздает. А ведь, если момент правильно не угадать, вкус совсем не тот будет.

– Правда, очень вкусно, – ответил Родик с набитым ртом. – А знаете, Анна Серафимовна, Люба обещала завтра нас всех пирогами угостить. Мы в лес пойдем, у нас там такая поляна есть, очень красивая, мы на ней всегда костер разжигаем. Вы Любу отпустите?

И снова Люба испугалась, что сейчас что-нибудь пойдет не так. Она собиралась потом, когда Родик уйдет, осторожно поговорить с бабушкой, рассказать ей про новых друзей и попросить разрешения – только попросить разрешения! – угостить их завтра пирогами собственного изготовления, а уж если бабушка не разрешит, тогда спросить ее совета, как поступить, чтобы ребята не посчитали ее пустой болтушкой и хвастуньей. Люба даже некоторые фразы заранее заготовила. И вот на тебе – Родик вывалил все разом, не подготовив Бабаню, да еще в присутствии Тамары. Что теперь будет?!

– Значит, у тебя, Любаша, завтра и костер, и кино в клубе? – задумчиво произнесла Анна Серафимовна, и Любе показалось, что бабушка недовольно нахмурилась.

– Я все успею, бабулечка, – торопливо заговорила девочка, – я завтра пораньше встану и все-все по дому переделаю, что ты скажешь, и пироги успею, я же все равно буду тебе на кухне помогать. Ты меня только на костер отпусти и в кино.

– Ладно, – согласилась Анна Серафимовна, – идите. Но в другой раз ты меня предупреждай, пожалуйста, заранее о своих планах, мне ведь тоже надо планы строить по хозяйству, и я должна знать загодя, кто из вас и в чем будет мне помогать.

После ужина Родислав собрался уходить, и Люба вышла на крыльцо проводить его.

– Строгая у тебя бабушка, – заметил Родик. – Ладно, я пошел.

Он ничего не сказал про завтра, и Люба не поняла, как ей быть: то ли ждать, пока он за ней зайдет, то ли самой приходить, но куда и в котором часу? Как-то по-дурацки все получается. И она тоже хороша, ничего не спросила, не уточнила, постеснялась. Правильно Тома говорит, дурища она.

Люба отправилась мыть посуду, до маминого возвращения с работы она успела еще салфетки перестирать и накрахмалить и вымыть крыльцо. Бабушка всегда говорит, что уютный дом начинается с чистого крыльца и что если на крыльце грязь и мусор, то никакая чистота и красота внутри дома уже не спасает, все равно остается впечатление неопрятности и запущенности.

Дальше вечер покатился по привычной колее: приехала мама, Бабаня кормила ее ужином, потом все собрались на веранде за самоваром и ждали папу. Отец, Николай Дмитриевич, приехал поздно, девочки уже умылись, почистили зубы и собирались спать. Прямо с порога он спросил, чем закончилась вчерашняя история с сердечным приступом у соседа-профессора, и Люба доложила, что все в порядке, врач больше не понадобился, и сегодня она с сыном профессора Родиком ходила на озеро, где познакомилась с ребятами, среди которых есть даже греческая девочка с удивительным именем Аэлла.

– А, знаю, – кивнул Николай Дмитриевич, – Александриди. Ее отец хороший мужик, крепкий, настоящий коммунист.

– Папа, а почему они здесь живут? – не сдержала любопытства Люба.

– Потому что в сорок девятом году из Греции в нашу страну приехали тринадцать тысяч эмигрантов, и Александриды в их числе. Правда, все они в основном осели в Ташкенте, но дяде Константиносу разрешили жить рядом с Москвой, потому что он настоящий коммунист и прогрессивный журналист, он дружит с Твардовским и Борисом Полевым, – объяснил отец.

Про Василия Теркина Люба знала, в школе проходили, и «Повесть о настоящем человеке» она тоже читала, имена знаменитых писателей были ей знакомы, поэтому ничего удивительного не было для нее в том, что человек, который с ними дружит, имеет большие привилегии. Вот, значит, из какой семьи Аэлла! Понятно, почему она так задается.

– А что, его дочка хорошо говорит по-русски? – поинтересовался отец.

Хорошо ли? Люба растерялась. Аэлла говорила точно так же, как сама Люба, да как все вокруг, ничего особенного девочка в ее речи не заметила. А как еще она должна говорить?

– Она же гречанка, родилась в Греции и жила там до пяти лет, – пояснил Николай Дмитриевич, – русский язык только здесь выучила, а родной для нее – греческий. Вот я и спрашиваю: она хорошо русский выучила?

– Наверное, – пожала плечами Люба, – она разговаривает, как все.

– И без акцента? – недоверчиво прищурился отец.

– Без акцента.

– Вот молодец девчонка! – искренне восхитился он. – Вот же редкостная умница! Вам бы с Томкой так иностранным языком овладеть, как она!

Люба загрустила. Надо же, даже папа, который Аэлле совсем не знает, и то восхищается ею и ставит дочерям в пример. Конечно, такая замечательная девочка должна быть самой главной в любой компании, и любая другая девочка будет рядом с ней выглядеть серой и неприметной.

- Пошли спать, - сердито зашипела Тамара, дергая Любу за рукав. - Поздно уже. Дай папе поесть спокойно.

Люба уныло поплелась следом за сестрой в их общую комнату. Однако едва они закрыли за собой дверь, Тамара обернулась к ней с горящими любопытством глазами:

- Ну, давай рассказывай, как там все было. С кем познакомилась, какие они, чем вы там занимались.

- Тебе что, правда интересно? - изумилась Люба.

- Ну конечно!

Люба подробно и с удовольствием рассказала про игру в волейбол, про купание в озере, про костер, про страшную черную старуху, про Андрея, Аэлла, белокурую скрипачку Танечку и рыженькую девочку, которую звали Ниной.

- Аэлла эта - полное барахло, - непререкаемым тоном изрекла Тамара, - один сплошной гонор, на чужом горбу хочет в рай въехать.

- Почему это? - не поняла Люба.

- Да потому что всех ее заслуг - только то, что она в волейбол хорошо играет. А все остальное ей за так досталось. Только потому, что она в Греции родилась и ее папа - большой человек. А вот Андрей - это личность. Если хочешь чему-то полезному научиться, ты лучше с ним дружи, а не с Родиком своим. С Родика твоего пользы - как с козла молока.

Люба немедленно обиделась, но постаралась виду не показывать.

- Хочешь, завтра вместе на костер пойдем, - миролюбиво предложила она.

- Вот еще! Делать мне больше нечего.

- Ты же сказала, что тебе интересно.

– Так мне тебя послушать интересно, дурища! – рассмеялась Тамара. – Ты мне за десять минут все и рассказала, а так мне пришлось бы полдня на это тратить, чтобы самой увидеть. Я лучше что-нибудь полезное поделаю в это время.

– А как же кино в клубе? – растерялась Люба. – Ты же обещала со мной сходить. Значит, не пойдешь?

– Ну почему же? Пойду, раз обещала. Я, правда, эту картину уже видела, но с удовольствием еще раз посмотрю, там одна актриса есть – прелесть как одета, я не все запомнила, надо еще разок взглянуть. У нее там такой костюмчик – узкая юбка с ремнем, свободный жакет без пуговиц...

Тамара села на своего конька и с упоением принялась описывать невероятные наряды одной из героинь. Люба слушала сестру и молча раздевалась, аккуратно вешала на спинку стула платье, сверху складывала маечку и трусики, носочки повесила на перекладину между ножек стула.

– А вообще-то, Любка, ты дурища, – неожиданно закончила свои мысли вслух Тамара. – Я потому и согласилась с тобой в кино пойти, что видела: ты ужасно хочешь картину посмотреть, а Родик твой не мычит – не телится.

Засыпая, Люба все думала о том, какая Тамара взрослая и умная, и ей, Любе, никогда ее до конца не понять. Вот зачем она согласилась в клуб пойти: то ли сестру пожалела, то ли ей и вправду надо какой-то там костюмчик получше разглядеть? И Аэлла такая же взрослая, и Родик, и Андрей, и никогда Любе не встать с ними вровень, она так и будет для них маленькой и глупой.

На следующий день Люба с Тамарой отправились в кино. Картину показывали всего один день, зато целых три раза: в двенадцать, в пять часов вечера и в десять. Они долго решали, на какой сеанс пойти, но Бабаня, как обычно, сразу внесла ясность, дескать, в десять вечера они не пойдут, это однозначно, а в пять, пожалуй, неудобно, потому что если Люба собирается угощать ребят пирогами, то самое подходящее для этого время – между обедом и ужином. Лучше всего девочкам пойти на двенадцать часов и вернуться домой к обеду. Они выстояли длинную очередь – в их клуб собирались со всех окрестных деревушек, купили себе по мороженому, которое продавали только перед киносеансами, и заняли места в зрительном зале. Через несколько рядов впереди Люба заметила Андрея и Родика, и ей стало немножко обидно: он

собирался идти в кино, но вчера об этом не сказал и Любу с собой не позвал.

Картина ей понравилась. Конечно, насчет шпионов она не все поняла, но про любовь – все-все. Ей очень понравился актер Олег Жаков, который играл главного «нашего», а шпион, которого так сильно любила героиня по имени Таня, не понравился совсем. И насчет сломанной расчески вместо паролка – это было здорово придумано! Еще Люба внимательно смотрела на актрису, игравшую Клаву, официантку из ресторана, которая продалась шпионам, и старалась запомнить, как она одета и причесана, потому что эта Клава больше всего интересовала Тамару, это именно ее костюмчики и шляпки так внимательно рассматривала сестра, чтобы потом зарисовать в своем альбоме. Если Тамара опять что-то не заметит или забудет, Люба ей подскажет.

После сеанса сестры на улице прямо перед клубом столкнулись с Андреем и Родиславом и пошли вместе.

– Любка, ты можешь у своего отца одну вещь спросить? – обратился к ней Андрей.

– Какую?

– Помнишь, приезжает милиция осматривать комнату Клавы, ну там, где труп нашли, и один милиционер другому говорит: «Посмотри отпечатки»?

– Помню, и что?

– А то, что этот другой милиционер открывает свой чемоданчик, а дальше нам не показывают. Вот мне и интересно узнать, что там, в этом чемоданчике, и что он потом делает. Спросишь?

– Спрошу, – обрадовалась Люба. Ей очень хотелось оказаться полезной, пусть даже и благодаря папе.

Мальчики обсуждали что-то насчет шпионов, Люба напряженно вслушивалась в их разговор и боялась, что сейчас они спросят ее о чем-нибудь, а она не будет знать, что ответить, потому что не все поняла. Ей хотелось перевести разговор на те материи, которые были ей более понятны.

– А мне Таня очень понравилась, – вступила она в разговор, уловив, что Андрей назвал имя героини. – Мне ее так жалко было! Она вот все время вспоминала, как он говорит ей: «Я всегда буду любить тебя, Таня», а сама его тоже очень любила и ждала.

– Ой, ну ты выдумашь тоже! – поморщился Родик. – Любила, любила, а что получилось? Она же сама и говорит: «Все эти годы я любила не того». Вот тебе и вся любовь. Не, любовь – это мура.

Люба замолчала, ругая себя последними словами. Опять она что-то не то сказала, и теперь мальчишки будут ее презирать. Она с утра уже успела испечь пироги со смородиновой начинкой, а вдруг они ее не позовут на костер, раз она такая глупая? Но положение совершенно неожиданно спасла Тамара.

– Кто сказал, что любовь – это мура? – строго спросила она. – Да что вы понимаете, сопляки! Вы просто еще маленькие, вот будете в школе «Войну и мир» проходить, тогда и поговорим, мура любовь или нет.

– Да уж не младше тебя, – ехидно заметил Андрей, – мы же ровесники, а ты задаешься, как будто тебе сто лет.

– Может, и ровесники, – загадочно ответила Тамара, – только я «Войну и мир» уже прочитала, а ты еще нет.

– Откуда ты знаешь? Может, я тоже читал.

– Ну прямо-таки, читал ты! – фыркнула Тамара. – Если бы читал, ты бы такие глупости не говорил.

Родику такой поворот в разговоре не понравился, и он поспешил заговорить о другом:

– Люба, так мы с Андрюхой зайдем за тобой, когда в лес соберемся, а то ты одна нашу поляну не найдешь.

– Ладно, – радостно сказала Люба. – А во сколько? После обеда?

- Ну да, примерно, - неопределенно ответил Родик.

- Не забудь, мы с тобой в шахматы сегодня играем, - напомнил Андрей.

Ой, про шахматы-то Люба совсем забыла! Ну как же так, она же предупреждала его, что играет плохо!

- Может, не надо? - жалобно произнесла она. - Ты все равно выиграешь, тебе со мной играть неинтересно будет.

Андрей внимательно посмотрел на нее и, кажется, сжалился.

- Ладно, уговорила. Жалко, конечно. Никто из ребят в шахматы не играет, я так надеялся, что хоть с тобой сыграю. А ты молодец, честная, сама призналась, что играть не можешь. А то другие начинают фасон давить, строить из себя невесть чего, а как до дела доходит, не знают, за какую фигуру взяться, на два хода вперед просчитать не могут.

Тамара больше в разговор не вступала, и по ее сосредоточенному лицу и ускорившемуся шагу Люба поняла, что сестра торопится домой, чтобы скорее схватить свой альбом и начать зарисовывать все, что она увидела в кино. За две улицы до дома, где жил Родик, Андрей повернул направо, потом и Родик ушел к себе домой.

- Я тебе точно говорю, - Тамара начала говорить так, будто продолжала непрерывавшуюся беседу, - тебе надо с Андреем дружить. Родик этот - ни рыба ни мясо, а Андрей - личность, характер.

- Вот сама с ним и дружи, - огрызнулась Люба.

- Да больно надо! Мне вообще друзья не нужны, никакие, мне и так хорошо. А ты у нас, Любка, существо общественное, ты одна не можешь, тебе обязательно компания нужна, вот я и говорю: выбирай Андрея, не прогадаешь, ума-разума у него наберешься. А от Родика пользы никакой.

Про пользу Тамара говорила уже во второй раз, и Люба не могла решить, что ей делать: обижаться на сестру не хотелось, но и справиться с обидой было

нелегко. Почему от человека обязательно должна быть польза? Разве нельзя просто дружить с кем-то, без всякой пользы? Андрей, конечно, очень умный, тут Тамара права, но он такой умный, что с ним даже разговаривать страшно, и понятно не все, и не знаешь, как ответить. А Родик – он такой красивый... И добрый. А Андрей злой, сердитый и совсем, ну ни капельки не красивый. Нет, Люба готова уважать его и немножко бояться, но дружить с ним она не сможет. Она хочет дружить с Родиком.

* * *

– Ну а дальше там все не очень интересное. Это ж середина августа, до конца каникул всего две недели осталось.

– Как не интересное? – возмутился Камень. – А костер с пирогами? Как там все прошло?

– Да нормально прошло, ничего особенного. Пироги стрескали в один момент, всем понравилось, Люба довольна. До конца каникул она еще раз пять с ними встречалась, костры, картошка, купание в озере. Я же говорю, ничего особенного. Так и расстались на весь учебный год.

– Это что же выходит, Люба с Родиком до следующего лета ни разу не виделись?

– Так а я о чем? Только в июне следующего года и встретились. Ей двенадцать, ему – четырнадцать. И опять все по новой: костры, волейбол, плавание, картошка... Скучотища. Они даже за руки пока не держатся. Родик вообще больше к Аэлле льнет, ну это и понятно, она там первая красotka на деревне. Я уже и в пятьдесят девятый год заглянул – все то же самое, только они в кино начали вместе ходить. Слушай, я состариться успею, пока у них до дела дойдет, может, сразу на свадьбу рвануть, а?

– Ты меня не путай, – строго нахмурился Камень. – Кто с кем в кино начал ходить?

– Родик с Любой.

– А свадьба чья?

– Родика с Аэллоу, я же тебе рассказывал.

– Так что ж ты мне голову морочишь! – Камень не на шутку рассердился. – В кино он с Любой ходит, а женится на Аэлле. А в промежутке что? Как так вышло? Ты давай не филошь, а смотри все как следует, по порядку.

Ворон надулся.

– В пятьдесят девятый не полезу, – капризно заявил он. – Я туда уже в четырех местах лазил, все бока ободрал, там не дыры, а сплошная колючая проволока. Четыре ходки за три летних месяца – тебе мало, да? Я лучше сразу в шестидесятый нырну, там те, кто для историков подрабатывает, хороший лаз проделали, просторный, там же хрущевские реформы пошли, деноминация, ликвидация МВД СССР...

– Ладно, – смилостивился Камень, – давай шестидесятый год, но не позже, не халтурь.

Дождавшись, когда Ворон отлетит подальше, Камень негромко позвал:

– Змей, ты здесь?

– Здесь я, здесь, куда ж мне деваться. Я уже давно приполз, лежал и слушал, как твой пернатый лазутчик соловьем разливается.

– Просьба у меня к тебе, – начал было Камень, но Змей прервал его:

– Что, в пятьдесят девятый год смотаться? Не доверяешь своему летучему разведчику?

– Ну ты же все понимаешь, – вздохнул Камень.

– Понимаю, понимаю, – прошептал Змей. – Жди, скоро вернусь.

Камень беспокоился, как бы старые соперники не столкнулись, но волновался он напрасно: мастерство Змея было столь велико, что на добывание информации у

него ушло совсем мало времени.

– В целом наш милый птенчик не соврал, – сообщил он Камню, – за все лето пятьдесят девятого почти ничего значительного не случилось. Но два эпизодика я тебе нарыл, может, пригодятся. Во-первых, Аэлла побывала дома у Родислава. Рассказывать?

– Конечно, рассказывай, – заволновался Камень. – Как это было?

– Родик обмолвился, что у них большая библиотека и даже на даче очень много книг, и Аэлла попросила разрешения прийти и выбрать что-нибудь почитать. Конечно, она это сделала с дальним прицелом, ей же наш Родька нравится, из всех москвичей, которых она знает, он в ее глазах является самым достойным ее неземной красоты. Ну вот, значит, приходит она к нему домой, знакомится с папой, Евгением Христофоровичем, и начинает его окучивать своим знанием греческой истории и мифологии. Папа в полном восторге, разговаривает с ней как со взрослой, с ровней, Аэлла выбирает почитать какую-то заумную книжку и тем самым еще приобретает очки в свою пользу, а потом целую неделю поет Родику о том, какой замечательный у него папа. В общем, все делает по науке. Папа, натурально, делится своими впечатлениями с супругой, и наша Клара Степановна начинает сыну мозги долбать насчет того, какая хорошая девочка Аэлочка и надо почаще приглашать ее в гости и вообще познакомиться с ее родителями. Ну, Клару-то можно понять...

– Это почему? – не понял Камень.

– Ну а как же? Семейка Александриди – те еще фрукты. Папаша Костас – лицо, приближенное к императору, его сам Твардовский в «Новом мире» печатает, это тогда журнал такой был, жутко престижный. А мамаша Асклепиада – лицо, приближенное к императрице, точнее, к ее лицу. А еще точнее – к лицам жен сильных мира сего. Она, видишь ли, специалист в области челюстно-лицевой хирургии и, пока не эмигрировала в СССР, успела поучиться и постажироваться в лучших клиниках Америки и Европы. Главная ее специальность – носы, она их очень ловко переделывает. Ну и подбородки, если кому надо, тоже облагораживает. Представляешь, какие у нее связи и возможности?

– Да-а, – протянул Камень. – А что Родик?

– А ничего. Ему Аэлла нравится, потому что она красивая, но он себя с ней неуютно чувствует. Понимаешь, она сама про себя думает, что она такая-растакая – ну просто дальше некуда, и что тот, кого она удостоит чести быть рядом, тоже должен этой высокой планке соответствовать. А Родик соответствовать не хочет, у него вообще с честолюбием не очень-то, он парень мирный, покладистый, не борец. Ему с Любой куда спокойнее, с ней он чувствует себя уверенно: он старше, он умнее, он сильнее, Люба глаз с него не сводит и в рот заглядывает. А рядом с Аэлкой ему все время приходится напрягаться, а напрягаться он не большой любитель. Знаешь, такой сибарит-романтик. И вот тут мы, друг мой Камень, подходим к еще одному эпизоду, который, как мне кажется, будет не лишним. Наш Родик уговорил Любу пойти в лес посмотреть на разрушенное молнией дерево. И дорогу-то он знает, и места-то там красивые, и само дерево, в которое молния ударила, тоже совершенно сказочное. Ну, пошли они. До дерева дошли, но Родик не учел, что это место уже у самой опушки, а за опушкой – деревня, а в деревне свои пацаны и свои нравы. И еще он не учел, что Люба уже... ну как тебе объяснить... короче, она уже девушка по всем статьям, и бедра у нее, и попа, и грудь – все в наличии. Он-то привык ее маленькой считать, потому ничего и не замечал. Только они в обратный путь двинулись – тут как тут местные парни нарисовались, поддатые, здоровенные, лет по семнадцати. Родик к земле прирос, его затошнило от страха, замутило, голова закружилась, язык к небу присох – ну, ты уже знаешь, с ним это бывает, есть у него такая особенность, в стрессовых ситуациях он теряется и ничего не соображает. А парни на Любу наступают, наступают... Ужас! И она – представляешь, какая молодец! – начала с ними разговаривать. Мол, как вас зовут, да вы откуда, да есть ли у вас в деревне такая тетя Маруся, у которой самый лучший яблоневый сад во всей округе, у нее бабушка всегда яблоки берет и нахвалиться не может. А еще у этой тети Маруси есть внук Виталик, второгодник, которому в прошлом году на все лето дали задание упражнения по русскому языку делать, а он справиться не мог, и ее, Любина то есть, бабушка ему два раза помогала. Ах, это ты и есть тот самый Виталик? Ну надо же, какие встречи бывают! Ты тете Марусе привет от меня передавай, скажи, от Любы Головиной и ее бабушки поклон, ладно? Парням деваться некуда, раз такой разговор пошел – получается, они вроде как бы знакомы уже, не приставать же к знакомой девчонке. Но над Родиком они, конечно, поизмывались всласть, дескать, чего стоишь, защитничек, хвост поджал, если уж с такой девкой гуляешь, так держи фасон, за ее спину не прячься. Одним словом, девочка – молодчинка, никто ведь не учил ее, как надо в таких ситуациях себя вести, она чисто интуитивно угадала.

– Да, – задумчиво подтвердил Камень, – интуиция у нее мощнейшая, это мы уже и раньше замечали. Сердцем чует и мысли читает. Но я не понял, а что такого

интересного в этом эпизоде?

– Так я до интересного еще не дошел, – хмыкнул Змей. – Самое интересное-то потом началось, когда парни ушли. Берет, значит, наша Любаша нашего Родислава за руку и ведет по тропинке домой и приговаривает, мол, какой ты молодец, что стоял молчал, ничего не делал и в драку не лез. Видишь, как все хорошо обошлось, а если бы ты сглупил и начал за меня заступаться, то дело неминуемо закончилось бы дракой. Парни взрослые, пьяные, они ведь и убить могли, забили бы тебя до смерти, а так все хорошо закончилось. Родик идет понурый, в землю смотрит, ты, говорит, наверное, думаешь, что я трус, я и повел себя как трус, а Люба вокруг него вьется, в глаза заглядывает и уговаривает, что все совсем наоборот, что он повел себя правильно и только так и надо было себя повести, чтобы не спровоцировать кровопролитную драку, и она якобы все время, пока с парнями ласы точила, боялась, что Родик не выдержит и влезет в разговор, начнет за нее заступаться и все испортит. Но он молодец, все сделал правильно и до беды ситуацию не довел. Во как!

– И что, – с нескрываемым ужасом спросил Камень, – неужели он ей поверил?

– А то! Конечно, поверил. Как же не поверить, когда так хочется поверить? Ой, а она-то перепугалась, бедняжка! Я же видел, она с теми парнями разговаривает мирно так, почти даже ласково, а у самой поджилки трясутся, она-то отлично понимала, что может из всего этого получиться, ее и бабушка предупреждала, чтобы была осторожнее, и сестра Тамара просветительскую работу проводила. Люба-то у нас крупная, видная, не скажешь, что всего тринадцать лет.

– Ну ты подумай, – Камень горестно вздохнул, – опять она его уговорила. Интересно, она сама-то верит в то, что говорит? Тебе как показалось?

– Она верит в то, что ведет себя правильно и говорит то, что нужно, – уверенно ответил Змей. – Вот это я тебе могу гарантировать. А все остальное – это уж больно тонкая материя, тут легко ошибиться. Я тебе из своего опыта скажу: такие ситуации никогда нельзя разрешать силой, их можно только разруливать разговорами.

– Но ведь заступиться за девушку, не дать ее в обиду, защитить – это благородно, это делается с добрыми намерениями. Разве это может закончиться плохо?

– Еще как может, – Змей издал тихое шипение, обозначавшее громкий хохот. – Ты рассуждаешь как кондовый философ, который оперирует категориями этики. Подумаешь, добрые намерения и благородные побуждения! Да чтоб ты знал, благими намерениями вымощена дорога в ад. Забыл небось? Очень часто благие намерения ведут к разрушительным и даже губительным последствиям, и наш случай как раз тому пример.

– Ты хочешь сказать, что этика – это пустая болтовня и никому не нужная наука? – возмутился Камень.

– Я хочу сказать, что этика не является единственным критерием для разрешения жизненных ситуаций, вот и все, – спокойно парировал Змей. – Жизнь во всем многообразии ее проявлений постоянно вступает в непримиримое противоречие с категориями этики как науки. И не надо по этому поводу драматизировать. Противоречия – неотъемлемая часть нашего существования, без противоречий не было бы движения вперед. Да перестань ты дуться, в конце концов! – прикрикнул он на угрюмо молчащего Камня. – Давай лучше прощаться, а то сейчас наш монстр разведки явится и опять начнет клювом туда-сюда ворочать, соперников вынюхивать. Я подальше отползу, чтобы он меня не учуял, и послушаю издали, какие новости он тебе притащит. Если что – зови на помощь, я всегда готов.

– Спасибо, – Камень уже понял, что был не совсем прав, наехав на Змея, и от умиления даже прослезился. – Извини, если я был не прав. Что-то у меня с нервами в последнее время...

* * *

К лету 1960 года расстановка сил в дачной компании сформировалась окончательно. Главной оставалась Аэлла Александриди, первенство которой и ее право принимать обязательные для исполнения решения основывалось на нескольких фундаментальных обстоятельствах: она была местной, что по каким-то непонятным ребячьим соображениям давало ей неоспоримые преимущества; она была гречанкой по происхождению, и это делало ее необыкновенной; она знала греческий язык, греческую историю и мифологию, и это подразумевало, что она априори знает больше других; она была красивой и на этом основании обладала всеми бесспорными правами красавицы. Одним словом, Аэлла считалась первой среди всех и лучшей во всем, и никто из дачной компании не

смел в этом усомниться.

На втором месте, образно говоря – ошую и одесную от первой красавицы, стояли Родислав Романов и Андрей Бегорский. Сие почетное положение они заняли по разным причинам. Родислава Аэлла приблизила к себе, поскольку он ей очень нравился, а вот Андрей оказался на позиции приближенного просто потому, что никакого другого места и не мог занять. Он категорически не хотел быть первым, ибо до самозабвения любил шахматы и частенько пропускал коллективные мероприятия, предпочитая посидеть над доской и сборником гроссмейстерских этюдов, тогда как место лидера обязывало бы его возглавлять компанию всегда и во всем. Но и быть третьим или даже пятым он не мог бы по определению: Андрей много читал и знал явно больше самой Аэллы, и хотя он специально этого не демонстрировал, все равно было понятно, что он умный и суждения его нетривиальны, не похожи на суждения других его ровесников.

И еще на втором месте, даже как бы на втором с половиной, была Люба Головина, не обладавшая никакими выдающимися достоинствами, во всяком случае в глазах ребят, но являвшаяся неотъемлемым приложением к Родиду Романову. На место сбора компании они приходили вместе, вместе же и уходили, частенько ходили в кино вдвоем или втроем с Андреем Бегорским, и все как-то привыкли воспринимать их как неразлучную пару, при этом никому и в голову не приходило дразнить их «тили-тили-тестом-женихом-и-невестой», просто все помнили, что это именно Родик когда-то привел Любу в компанию, и знали, что они живут на соседних улицах, поэтому совершенно естественно, что они приходят и уходят вместе. Аэлла в Любе соперницу не видела, да это и понятно: младше на два года, совсем сопля зеленая, и ничего в этой малявке нет особенного, а если Родиду так нравится изображать из себя старшего брата и покровителя малолеток – так ради бога, пусть тешится. После визита в дом Романовых и знакомства с Евгением Христофоровичем Аэлла полагала, что теперь между нею и Родиславом есть «нечто», что составляет их общую тайну и делает их ближе друг к другу. Ходить в гости в этом поселке было почему-то не принято, по крайней мере среди ребят, и факт пребывания в доме у Романовых выглядел для Аэллы более чем просто значительным. О том, что Родик и Люба регулярно бывают друг у друга, девушка, конечно, знала, но ни малейшего значения этому обстоятельству не придавала: подумаешь, возится Родислав с этой малышкой – да и пусть себе возится. А того, что «эта малышка» ростом уже обогнала невысокую Аэлла, надменная красавица даже и не замечала.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/aleksandra-marinina/blagie-namereniya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)